

МАРЕВО

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. КЛЮШНИКОВА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

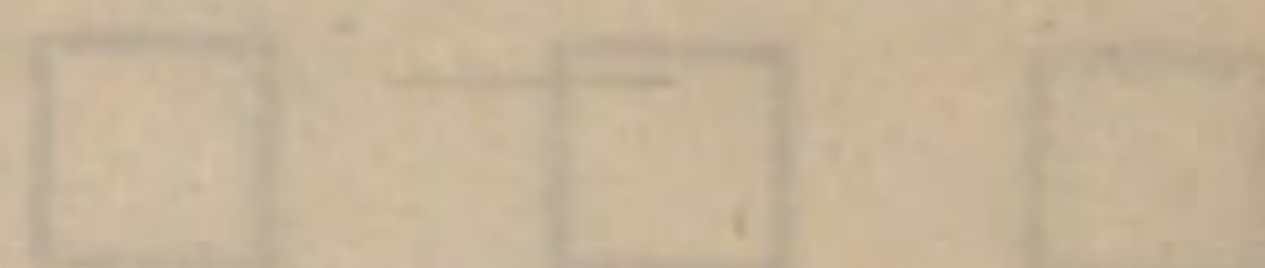
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о).

1865.

МАРЬЕВО

РОМАНЪ

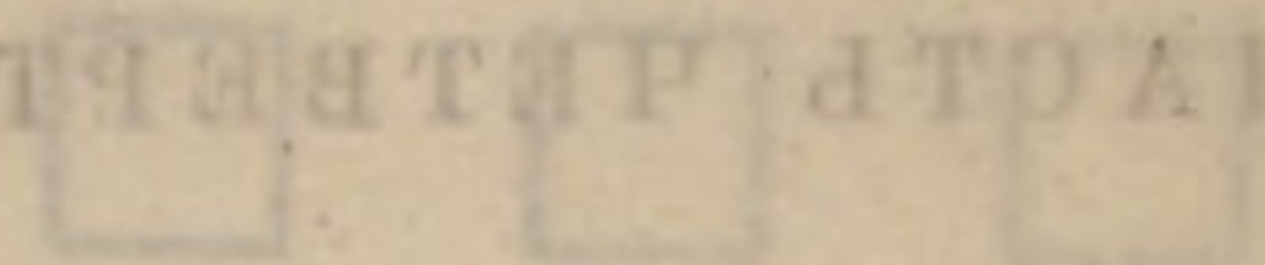
ВЪ РЕТЫРЬЕХЪ РАСТУХЪ

СОДЕРЖИМЪ

В. КЮШНИКОВА

РАСТЪ РЕТЫРЬЕХЪ

Коррекція и дополненія

и дополненія

и дополненія

МОСКВА

Дозволено цензурою. Москва. Октября 24-го 1864 г.

ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

ГОЛАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

«Что же это я въ самомъ дѣлѣ? Куда это я
заблудился? Вода ханжеская, ледяная, обжигаетъ
грудь, дожили до края охладившагося тѣла, зыбун-
ны, покружились въ водоворотѣ, а теперь
вотъ очутились въ этой горячей, сухой, частой
железной вѣсѣ. Перенести не выдержимъ, тутъ слѣдуетъ
не дожидаться, требуется спасенье, тутъ же про-
били по лѣсу концы и стали искусственно за-
вязывать...»

«Ухххх!» восторженно воскликнулъ Коля и разинулся
было за шнуръ: съ кутера являлись другія вол-
ны конского топота. Кавалеристы въ разорванной
аркебусахъ и на олукахъ. Человѣкъ нѣтъ, си-
мваломъ къ своему оруду, поили лошадей, не
разбрызгивались въ ильсконныхъ шагахъ, тутъ
бѣжала, а она не двигалась съ мѣста, взира-
ли на каждый шорохъ, а ждали: вотъ...

ЛОВАРЪ ДРЪНСТВЕНТЪРНОСТЪР.

Домовоо разурено. Москва. Октабръ 24-го 1884 г.

I.

ПРОБЛЕСКЪ СОЗНАНІЯ.

«Что жь это я въ самомъ дѣлѣ? Куда это я забѣжалъ?» спохватился Коля, приходя понемногу въ себя. Вода холодною лентой обвила ему грудь, нервная дрожь охватила все тѣло, зубы частили; вокругъ непроглядною стѣной поднимался очереть, а надъ головой синѣла чистая, далекая высь. Перепалка стихала, чуть слышно доносились тревожные голоса, глухо задробили по лѣсу копыта и стали постепенно затихать....

«Уѣхали!» встрепенулся Коля и рванулся было за ними; съ хутора неслась другая волна конскаго топота. Кавалеристы въ разсыпную перекликались на опушкѣ. Человѣкъ пять спустились къ самому пруду, поили лошадей, переговаривались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣглеца, а онъ не двигался съ мѣста, вздрагивая при каждомъ шорохѣ, и ожидая: вотъ-

вотъ раздвинутся камыши, увидятъ его солдаты.... и тогда прощай! Страхъ отнималъ ноги, а самого что-то тянуло выглянуть изъ убѣжища. Онъ пробрался на конецъ очерета, осторожно выставилъ голову, и проворно спрятался, ничего не разобравъ; ему померещилась кровавая рѣзня, истребленіе, бойня.... направленное на него дуло!... Однако все было тихо; ободрившись, онъ рѣшился еще разъ полюбопытствовать: двое уланъ уносили съ поля Русанова, голова его свѣсилась на бокъ, руки качались будто плети, съ мертвою уступчивостью.... Въ другой кучкѣ солдатъ, прихрамывая, упираясь и бранясь, шелъ отставной поручикъ Кондачковъ. Скоро и они скрылись за садомъ. Въ безразличномъ отупѣніи простоялъ Коля еще съ полчаса въ водѣ. Почти подлѣ него, со дна пруда, поднималась высокая ракита; вокругъ ея пня весенніе наносы образовали пловучій островокъ; волна плескала подъ его окраины и рассыпалась мелкою рябью; на свѣтломъ днѣ лѣниво поворачивались караси, мелкіе жучки вертѣлись по верху, водяные пауки сигнаи во всѣ стороны....

«Пускай ее живетъ,» разсуждалъ Коля, снимая съ платья прицѣпившуюся улитку: «ступай, наслаждайся жизнью.... Никого не надо трогать....» Меланхолическое настроеніе болѣе и болѣе овладѣвало имъ; онъ вспомнилъ стихи изъ Лермонтова *Валерика*:

.. Жалкій человекъ!

Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но непрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ — зачѣмъ?

И, повторивъ нѣсколько разъ послѣдній вопросъ вслухъ, онъ вскарабкался на берегъ островка, снялъ сапоги, вылилъ изъ нихъ воду, хотѣлъ было повѣсить ихъ на солнце и остановился....

«Зачѣмъ? Куда я теперь пойду? Что мнѣ дѣлать? Гдѣ преклонить голову? Лисы имѣютъ норы...»

Мысли его незамѣтно перешли къ житію пустынниковъ, какъ они уходили изъ городовъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, питались акридами, дивнымъ медомъ, и враны приносили имъ пищу; положимъ, въ этой странѣ не было ничего подобнаго, а враны могли только глаза выклевать, да вѣдь ухитряются же бѣглые солдаты проживать по лѣсамъ ... можно поститься на шелковицѣ, глодѣ, грибахъ.... А зима? «Господи, спаси меня, спаси,» зашепталъ онъ вдругъ, ставъ на колѣни и крестя себѣ грудь быстрыми движеніями правой руки, въ родѣ того какъ на балалайкѣ играютъ: «я раскаюсь въ прошлыхъ заблужденіяхъ.» Но тутъ стало ему совѣстно передъ самимъ собой: пришло на память, какъ онъ, ярый атеистъ, давалъ точно такіе же обѣты, собираясь на экза-

мень и запрятывая въ рукавъ клочокъ ваты отъ святой иконы, чтобъ этою самою рукой вынуть легкій билетъ.... «Будь они прокляты!» вырвалось у него новымъ порывомъ:—«чему они научили меня? Какое это воспитаніе? Чтò я умѣю дѣлать? На чтò я гожусь? Въ писцы никто не возьметъ... Ни на чтò не похоже, какъ ѣсть хочется,» заключилъ онъ мысленно, подтянулъ кушакъ и легъ на траву, надѣясь до ночи подкрѣпить себя хоть сномъ. Островокъ качался подъ нимъ, онъ старался еще бодрить себя, и съ какою-то безпечностью отчаянья принялся раскачивать подъ собой берегъ....

«Больше всѣхъ дяденька виновать,» думалось ему противъ воли: «вотъ онѣ фразы-то! Мысли свободно, вѣдь ты не рабъ, ты свободный человекъ! Хорошо ему тамъ на пуховикахъ-то!» Онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ въ зелени сада виднѣлась соломенная крыша усадьбы, и прежняя жизнь подъ крыломъ родственниковъ стала развертываться въ воспоминаніи....

«Тоже хороши!» желчно шепталъ онъ: «радовались не нарадовались бойкимъ мальчикомъ, вотъ тебѣ и бойкость.... Посадить бы ихъ въ мою кожу...»

Настроивъ еще цѣлую кучу плановъ побѣга, истомленный нравственною пыткой, онъ наконецъ уснулъ; мысли, путаясь и безсвязно мелькая въ разгоряченномъ мозгу, перешли въ образы: чудилось ему, что онъ сидитъ на высо-

комъ креслѣ, за столомъ, крытымъ краснымъ сукномъ, подписываетъ проекты реформъ, судить, рядить и управляетъ дѣлами всей Россіи, а на другой столъ подаютъ ему жареныхъ фазановъ, куропатокъ, всевозможныя блюда, съ такими тонкими, ароматическими приправами, съ такимъ аппетитнымъ запахомъ, что такъ бы и поглоталъ все цѣликомъ.... Но вотъ холодно-ватая сырость пронизываетъ его насквозь; отлежанный бокъ будто одеревенѣлъ, голодъ все сильнѣй да сильнѣй. Довольно, господа, идемте обѣдать! Онъ открылъ глаза: темное небо все въ звѣздахъ, и вѣтеръ заунывно шелеститъ въ камышахъ....

Безцѣльно побрелъ онъ берегомъ пруда къ рощѣ. Налѣво отъ него двигалась по песку собственная тѣнь, направо по водѣ лунный столбъ. Кожаны неслышнымъ полетомъ съ пискомъ кружились вокругъ него, мелькали надъ золотистою рябью воды, вились въ тепломъ воздухѣ; на берегъ слабо плескалъ прибой. На мокромъ пескѣ четко вдавились чьи-то слѣды и темноватые пятна. Коля наклонился и разглядѣлъ кровь.

«Кто-нибудь изъ нашихъ шелъ этою дорогою,» подумалъ онъ, направляясь по слѣдамъ. Они привели его въ чашу орѣшника. Тамъ, полузадернутый черными тѣнями, лежалъ навзничъ окоченѣлый трупъ. Бѣлый свѣтъ мѣсяца обдавалъ блѣдное лицо матовою синевой, на гу-

бахъ запеклась кровь, открытые глаза остановились на скошенномъ взглядѣ.... Что-то маленькое, черное побѣжало съ лица на траву... Коля бросился въ сторону и пошелъ въ чащу, озираясь по сторонамъ.

«Чортъ ихъ поberi совсѣмъ!» думалъ онъ, все чаще и чаще оглядываясь и ожидая чего-то послѣдняго, невыносимаго... и вдругъ... подъ ногами звучно топнулъ заяцъ и ровными прыжками зашуршалъ въ кустахъ. У Коли что-то оборвалось внутри; кровь прилила мурашками къ ногамъ; онъ дрогнулъ и пустился бѣжать безъ оглядки.... Вѣтки хлестали ему въ лицо, онъ спотыкался на пни, падалъ, вскакивалъ, и все бѣжалъ, задыхаясь отъ усталости, волненія и обливаясь потомъ...

Деревья стали рѣдѣть; пестрымъ, неровнымъ ковромъ потянулась пашня; жутко и чудно отдавались ему собственные шаги. Онъ задержалъ духъ и пріударилъ еще шибче, самъ не зная куда....

На разсвѣтѣ, оборванный, взмоклый, голодный, наткнулся онъ на казачій пикетъ. Казаки поднялись было отъ разложеннаго огня, защелкали курками винтовокъ, но взглянувъ въ храбраго воина съ двухаршинною саблей, встрѣтили его дружнымъ хохотомъ. Онъ тотчасъ оправился, закинулъ голову, протянулъ саблю и горделиво проговорилъ «сдаюсь!»

II.

СПАСИБО.

Въ тотъ же день вѣсть о ночномъ нападеніи разнеслась по уѣздному городку; еще ночью многіе изъ обывателей видѣли за предмѣстьемъ трепетавшее зарево, слышали глухіе залпы. Къ утру стали съѣзжаться на базаръ окольные крестьяне; многіе сказывались очевидцами, молва пошла изъ дому въ домъ; кто говорилъ, что Поляковъ уложили на мѣстѣ всѣхъ до одного; другой самъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ, прятавшихся въ лѣсу и пророчилъ разбой; тотъ слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что есть неподалеку другая шайка, не въ примѣръ больше первой; какъ только разбитые сберутся къ ней, такъ вмѣстѣ и двинутся нагородъ. Какъ водится испоконъ вѣку, досужливые вѣстовщики рассказывали невѣсть что, и къ вечеру тревога рапространилась по всѣмъ улицамъ; домохозяева отбирали въ кучу что поцѣпнѣй, собирали на ночь дозоръ; изъ дому предводителя

потянулись экипажи по дорогѣ въ его имѣніе. Народъ косился на всякую незнакомую личность. Подъ вечеръ, когда тѣни домовъ, окружавшихъ городскую площадь, перекинулись черезъ нее, вползли по бѣлымъ стѣнамъ противоположныхъ зданій, перешагнули ихъ, заволакивая по немногу весь городъ, и мѣсяцъ блѣднымъ пятномъ глянулъ въ листовое желѣзо церковной главы, зажиточные обыватели цѣлыми семьями вышли на обычную, вечернюю прогулку вдоль гостиныхъ рядовъ съ краснымъ товаромъ; купцы запирали лавки, или стоя у входа калякали съ прикащиками; у всѣхъ и на умѣ и на языкѣ на разные лады перебиралась новость дня...

Два человека, въ крестьянскомъ нарядѣ, съ кожаной сумой за плечами, пробирались предместьемъ, прошли ряды, и взойдя въ бакалейную лавочку, начали отбирать кой-что съѣстное...

— Издалека ли Богъ несетъ? Спросилъ прикащикъ, получивъ нѣсколько злотовъ и подозрительно глядя на нихъ изъ-за прилавка.

— Здѣшни, отвѣтилъ одинъ, торопливо укладывая булки въ суму.

— Здѣшни? Переспросилъ прикащикъ: — на что жъ деньги-то нездѣшни?

— Ну? И что жъ такое? Проворчалъ покупатель отходя прочь.

— Что больно спѣсивъ панъ? Крикнулъ тотъ въ догонку.

Исправникъ, шедшій мимо подъ руку съ женою, пріостановился, окинулъ прохожихъ пристальнымъ взглядомъ: несвойственная Малороссу развязность походки, дорожная сумка и особый отпечатокъ на лицахъ, явно кололи ему глаза...

— Ступай ка домой, сказалъ онъ женѣ.

Она такъ свыклась съ мужниною службой, что въ минуту поняла его, выпустила руку и взошла въ лавку, не теряя его изъ виду...

Прохожіе шли уже на площадь, когда исправникъ, мигнувъ нѣсколькимъ сидѣльцамъ, опередилъ ихъ и сталъ какъ разъ на дорогѣ.

Тѣ перекинулись, двумя, тремя фразами, хотѣли свернуть въ сторону, сидѣльцы подоспѣли...

— Куда путь лежитъ? Крикнулъ одинъ, заступая дорогу. Народъ сталъ подходить со всѣхъ сторонъ.

— До Кіева, отвѣтилъ одинъ.

— Значить на богомолье, такъ? Вы какой вѣры-то?

— Христіанской, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

— Ты чего руку то за пазуху суешь? вмѣшался мастеровой:—что у тебя тамъ, ножъ что ли?

— Ваши бумаги? Подошелъ исправникъ: — кто вы такіе?

Прохожіе подали ему паспорта.

— Такъ вы крестьяне нашей волости? продолжалъ исправникъ.

— Такъ есть, отвѣтилъ опрашиваемый.

— Ваши бумаги? обратился исправникъ къ другому.

— А цожъ такого, пане? вступился первый, теряясь.

— Какъ же вы говорите, что здѣшній? Вы Полякъ... Перебилъ исправникъ:—не угодно ли вамъ слѣдовать за мной...

Арестованные переглянулись и пошли за исправникомъ, сопровождаемые толпой, переговаривавшеюся вполгоса изъ уваженія къ начальнику города. Онъ прошелъ на гаубтвахту, въ отдѣльную каморку, и кликнувъ солдатъ къ дверямъ, приступилъ къ допросу.

— Умѣете ли вы читать? Знаете ли вы, что въ паспортахъ вы оба значитесь волостными головами одной и той же волости? Чтожь это такое?

Эти слова озадачили обоихъ; на лицахъ появилось смущеніе; одинъ опустилъ голову.

— Ну, цо робить? Проговорилъ другой:—попались, обманули насъ...

— Гдѣ вы достали ихъ?

— Чтожь, нечего скрывать! Изъ острога, панъ.... Тамъ есть мастера, какую хотите печать вырѣжутъ....

— Осмотрѣть сумку и платье, сказалъ исправникъ солдатамъ.

— Да ничего же нѣтъ, панъ, дали букъ, ничего нѣтъ, заговорили оба разомъ.

Въ сумкѣ ничего не нашлось; но въ толстой,

двойной сермягѣ журшала бумага; въ пазухѣ оказался боковой карманъ, продолжавшійся до самыхъ полъ, и солдатъ подалъ исправнику пачку бумагъ. Тотъ разложилъ на столѣ большой листъ, перегнутый нѣсколько разъ; эта была путевая карта Россіи, нѣмая, съ чуть намѣченными городами, а то вдругъ точки, точки, точки, крестикъ, нуль, опять точки... Онъ сталъ припоминать карту своего уѣзда: точки означали лѣсъ, крестикъ соотвѣтствовалъ небольшимъ выселкамъ, дворовъ пять — шесть, нуликъ—большому селенію... Очевидное указаніе приваловъ на пути; еще поразило исправника, что дорога ихъ шла параллельно этапамъ.

— Нехъ же, панъ, не сердится, заговорилъ тотъ, который былъ разговорчивѣй:— панъ видитъ у насъ были чужія письма, чужіе секреты, теперь мы все скажемъ... Мы изъ Сибири идемъ, насъ послали за провозъ оружія; панъ самъ знаетъ, что наши вездѣ, намъ помогли бѣжать и денегъ давали въ каждомъ городѣ, и паспорта мѣняли...

— Много ли съ вами денегъ? Спросилъ исправникъ.

Одинъ изъ нихъ подалъ ему рубля два мелочи.

— Только? И вы съ этимъ шли въ Польшу?

Одинъ значительно глянулъ на товарища, но тотъ махнулъ рукой.

— Ужъ я вижу, что панъ не такой, какъ дру-

гіе москалі! Я пану скажу по секрету: намъ бы только за вашу губернію выбратся, тамъ у насъ жондъ свой...

Между письмами два были на имя Бронскаго. Исправникъ и не ожидалъ такого важнаго открытія, отложилъ ихъ, собралъ бумаги, готовясь кончить,

— Вотъ вы теперь арестовали насъ почти дома, заговорилъ Полякъ: — будьте жъ ласковы, панъ, не отправляйте насъ въ острогъ, дайте намъ отдохнуть; мы наголодались, назяблись въ дорогѣ; чтожь, панъ, можетъ и вамъ придется испытать несчастіе...

Исправникъ отвернулся и сталъ разбирать бумаги, покачивая ногой: офиціальныи допросъ былъ конченъ; съ нимъ говорили просто, какъ съ человѣкомъ....

— Позвольте намъ остаться здѣсь, упрашивалъ тотъ: — неужели мы для того только хитрили будто гонимые звѣри, чтобы ночлегъ нашъ былъ въ душной тюрьмѣ? Мы сами поблагодаримъ, пана, мы еще не то ему откроемъ...

Исправникъ очевидно боролся; онъ сознавалъ всю отвѣтственность въ отношеніи политическихъ преступниковъ; съ другой стороны ему ничего не стоило облегчить ихъ участь на нѣсколько часовъ....

— Ну что? Бродяги? Любопытствовала жена, когда онъ пришелъ домой.

— Бродяги, душа моя, отвѣтилъ онъ, прив-

лекая ее къ себѣ: — пошли имъ чаю, вина какого-нибудь, что найдется... Они двое сутокъ ничего не ѣли....

— Правда? Сказала молодая женщина, вздрогнувъ.

— Еслибы ты слышала, какъ они говорили: можетъ у пана есть жена? дѣти? Не дай Богъ, чтобъ они плакали по пану, какъ наши жены...

— Вотъ что! Проговорила она, взглянувъ на двухъ малютокъ, игравшихъ на коврѣ.

— Ты одного изъ нихъ знаешь.... Помнишь актеръ, Шураховскій, прошлый годъ игралъ у насъ?

— Куда жъ это послать.

— На гаубтвахту; я тамъ Гаврилыча приставилъ къ нимъ, такъ пусть ему передадутъ....

Молодая женщина пошла распорядиться, а мужъ подозвалъ къ себѣ дѣтей, посадилъ мальчика на колѣно и принялся качать его...

— Такъ-то Петька, говорилъ онъ полусутоливо: — вырастишь большой, заткни себѣ уши хлопками, кричи громче: люблю, молъ, Россію; ненавижу враговъ ея, благосостоянія общаго хочу, свободы... И будешь великъ, и благо ти будетъ .. А станешь на дѣлѣ доказывать это, станешь слѣдить за врагами, назовутъ тебя доносчикомъ, наемнымъ сыщикомъ.... Что? Не понимаешь, видно, что это значить? Ну, не спѣши... Придетъ время, поймешь....

Поужинавъ со всею семьей, онъ ушелъ къ

себѣ въ кабинетъ и принялся за бумаги, отобранныя у арестантовъ. Тутъ были улики противъ нѣкоторыхъ лицъ, проживавшими въ губерніи, считавшихся вполне преданныхъ русскому дѣлу и участвовавшихъ въ мятежѣ. Замокъ Бронскихъ былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ членовъ польской организаціи въ этомъ краю; доказательствомъ этому служилъ поголовный списокъ ихъ съ именемъ Владислава Бронскаго во главѣ прочихъ. Надо было написать рапортъ губернатору; исправникъ проработалъ всю ночь, и на разсвѣтъ отправился на гаубтвахту. Часовой расхаживалъ на платформѣ передъ ружьями въ сошкахъ; въ кордегардіи спали солдаты, накрывшись шинелями, прикурнувъ на лавкахъ, на полу; въ каморкѣ, отведенной арестантамъ стояла тишина. Исправникъ отворилъ дверь—холодный потъ выступилъ у него на лбу, руки опустились... На столѣ стоялъ заглохшій самоваръ, съ остатками ужина; передъ недопитымъ стаканомъ чаю спалъ Гаврилычъ, положивъ локти на скатерть и ткнувшись головой на руки. Рамы въ окнѣ то распахивались, то хлопали; вѣтеръ врывался въ каморку, подхватывая со стола заверточную бумагу и разбрасывая ее по полу...

— Разбойникъ, завопилъ исправникъ, тормоза солдата за воротъ:—что ты дѣлаешь? Безъ ножа зарѣзалъ?

Тотъ открылъ на минуту безсмысленные глаза,

попытался встать и тяжело бухнул навзничь. Онъ былъ опоенъ соннымъ зельемъ....

— Ребята! Крикнулъ исправникъ, бросаясь въ кордегардію: — ребята я пропалъ.... арестанты бѣжали....

Поднялась обычная суматоха въ пустой слѣдъ.

III.

ЗАДѢЛИ ЗА ЖИВОЕ.

Съ отъѣздомъ Владислава Бронскаго, половина замка опустѣла, замолкла, покрылась пылью, паутинами; старый графъ не позволялъ прислугѣ входить въ эти покои даже для уборки; двери домашней каплицы заперлись накрѣпко; никто не справлялъ обычной службы; дворня тоже отшатнулась отъ пана; за то въ людской толки становились оживленнѣе, перемежались съ хуторскими; какая-то новая атмосфера недовѣрія, недоброжелательства, сдержанныхъ угрозъ, недомолвокъ носилась надъ замкомъ. Вѣсти день отъ дня приходили тревожнѣе; тамъ арестовали такого-то пана, тамъ крестьяне перехватили такихъ-то. Старый Слубень чаще и чаще сталъ намекать графу объ отъѣздѣ за границу; графъ только улыбался, поднимая жирный подбородокъ еще выше надъ орденской лентой.

— Ты забылъ, говорилъ онъ: — что я двухъ

шаговъ не могу сдѣлать по комнатѣ! Да отнимись у меня послѣдняя нога, если двинусь изъ маіонтка!

— Не было бы хуже, вздыхалъ слуга.

— Мнѣ? Изъ ума ты выжилъ? Забылъ ты кто я? Посмѣютъ ли они меня пальцемъ тронуть? Вся Европа глядитъ на мои сѣдые волосы и ни одинъ изъ нихъ не падетъ безъ воли ея....

Между тѣмъ письма, получаемыя почти каждый день, вдругъ прекратились; онъ сталъ тревожиться, посылалъ самъ раза два на почту, — нѣту. Онъ сталъ задумываться, сосредоточиваться въ себѣ, избѣгалъ даже Слубня, но все еще не рѣшался оставить имѣніе. Разъ онъ сидѣлъ у окна за чашкой крѣпкаго кофе, котораго ни за что не хотѣлъ бросить, не смотря ни на какія приказанія докторовъ; по дорогѣ къ замку подвигалась въ пыли цѣпь экипажей, позади верховые, что-то блестѣло на солнцѣ; онъ сталъ приглядываться и вдругъ, отодвинувъ чашку, покосился вокругъ себя, взялъ колокольникъ и зазвонилъ такъ порывисто, что язычекъ завертѣлся съ какимъ-то шипящимъ звукомъ. На дворъ вѣѣзжали три, четыре кареты, два всадника въ синихъ мундирахъ; казаки окружили замокъ. Слубень вѣѣжалъ и остановился на порогѣ; онъ не могъ выговорить слова, руки тряслись, на немъ лица не было...

— Ну, что жъ ты сталъ? проговорилъ графъ съ усмѣшкой: — иди, проси гостей!

Вошелъ предводитель въ сопровожденіи новаго исправника, двухъ жандармовъ и молодаго адъютанта, стройно затаютаго, въ бѣлыхъ аксельбантахъ и безукоризненныхъ перчаткахъ...

— Какъ времена-то измѣнчивы, встрѣтилъ ихъ графъ, кивнувъ головою предводителю:— не ждалъ я такого почета, вы таки рѣденько жаловали ко мнѣ; предшественника вашего я не имѣлъ чести видѣть въ замкѣ, обратился онъ къ исправнику: — эти господа мнѣ вовсе не знакомы....

— Непріятно, графъ, неприятно, говорилъ предводитель;—долгъ службы; можетъ быть подозрѣніе, которое падаетъ на васъ, неоправдается....

— Что дѣлать, графъ, перебилъ адъютантъ:— волей-неволей, а приходится знакомиться....

— Извините, сказалъ графъ, ѣдко усмѣхаясь, извините, если не съумѣю угостить васъ, какъ слѣдуетъ; къ сожалѣнію сына моего нѣтъ, онъ лучше исполнилъ бы долгъ хозяина....

— А гдѣ жъ онъ? спросилъ адъютантъ:— хоть мы и лишены счастья встрѣтиться съ нимъ, какъ не интересоваться такимъ молодцомъ?

— Старъ я, панъ, перебилъ графъ: — слишкомъ старъ, чтобъ отвѣчать на всякій вопросъ, не подумавъ.... Памяти нѣтъ, погодите, можетъ и вспомню....

— Это было бы весьма желательно, а пока не угодно ли вамъ отпереть письменный столъ...

Можетъ быть и найдемъ чѣмъ помочь вашей забывчивости....

— Потрудитесь ужь сами; камердинеръ мой куда-то запропалъ, что впрочемъ частенько случается....

— Съ вашего позволенія графъ; господа не угодно ли вамъ присутствовать при обыскѣ?

Прочіе подошли къ столу.

— Очень хорошо, говорилъ адъютантъ, пересмотрѣвъ бумаги. Меня радуетъ, что у васъ все въ такомъ порядкѣ, все такъ прибрано.... Это исключительная черта почтеннаго возраста, у молодыхъ людей не такъ.... Однако я очень любопытенъ, графъ; не завалилось ли гдѣ-нибудь это письмо.... Посмотрите-ко, ребята...

Солдаты принялись обыскивать комнату, шкапы, мебель: ничего компрометирующаго не оказывалось...

— Славный паркетъ у васъ, говорилъ между тѣмъ офицеръ, остановясь на одномъ мѣстѣ:— и должно быть старинный, дерево славно высохло, такъ и звонить! Онъ раза два ударилъ каблукомъ въ одну клѣтку....

— Немудрено, сказалъ графъ.

— Хотите пари, что подъ этой клѣткой пустота? спросилъ тотъ, выразительно глядя на старика.

— Можетъ быть; вотъ еслибы вы сказали, что пустота у меня въ головѣ, объ этомъ еще можно бы поспорить....

— Не можетъ быть, а вѣрно; ребята поднимай половицу....

— Къ чему же ломать полъ, вступился графъ: — если вы такъ увѣрены, пожмите вотъ ту пуговку за зеркаломъ, клѣтка сама поднимется....

— Искусная работа, согласился офицеръ: и представьте себѣ, вмѣсто письма, цѣлая пачка...

— Теперь припоминаю, насмѣшливо проговорилъ Бронскій.

Но мѣстопробыванія молодаго графа и въ письмахъ не нашлось. Офицеръ опять обратился къ отцу съ вопросомъ....

— Теперь вспомнилъ, иронически отвѣтилъ старикъ: — онъ тамъ, гдѣ услуги ваши ему не понадобятся....

Замокъ осмотрѣли до послѣдняго закоулка, всѣ розыски остались безъ успѣха; офицеръ пригласилъ графа слѣдовать за нимъ.

— Почему жъ нѣтъ, отвѣтилъ тотъ: — путешествіе всегда пріятно, въ особенности, если предстоитъ видѣть новыя мѣста....

— Можетъ быть вамъ нужно сдѣлать какія-нибудь распоряженія объ деньгахъ? сказалъ исправникъ.

— Мои распоряженія сдѣланы, сказалъ графъ: — деньги мои... онъ пріостановился, обводя всѣхъ злобно-торжествующимъ взглядомъ: — давно отосланы.... въ лондонскій банкъ....

И кликнувъ лакеевъ, стоявшихъ у дверей,

онъ велѣлъ дать ему одѣться и приготовить дорожный погребецъ. Волненіе, сдерживаемое до сихъ поръ съ удивительною силой воли, начинало прорываться въ этихъ сборахъ. Онъ одѣвался медленно, будто на торжественный съѣздъ, заставляя дожидаться всѣхъ присутствующихъ, наслаждаясь ихъ неловкимъ положеніемъ, хвастаясь роскошью своего гардероба, ворча на неловкость растерянной прислуги. Ему подали хронометръ на массивной золотой цѣпочкѣ. ..

— Дуракъ! вспыхнулъ онъ: — послѣдніе минуты мнѣ что ли считать? И ударивъ часы о земь, разбилъ ихъ въ дребезги....

Его свели подъ руки шагъ за шагомъ на крыльцо; въ каретѣ ужъ сидѣли два жандарма съ саблями на-голо; графъ обернулся къ замку и долго смотрѣлъ на громадный фасадъ съ готическими окнами....

— До чего я дожилъ! Лучше бы мнѣ голову сняли! проговорилъ онъ, и вдругъ взглядъ его упалъ на лѣпной гербъ, украшавшій фронтонъ, и краска тронула блѣдное лицо...

— Снять его! закричалъ онъ управляющему: — снять, пока еще никому не достался....

— Графъ, началъ было офицеръ...

— Слышишь? Долой его, повторялъ онъ, выходя изъ себя...

Шумный говоръ у воротъ привлекъ его вниманіе: тамъ стояли крестьяне, подтрунивая надъ

бѣдою своего врага и указывая на него пальцами,. Этого онъ не могъ вынести, лицо все налилось кровью, жилы на лбу и вискахъ выступили рѣзкими бороздами...

— Скоты, крикнулъ онъ, задыхаясь: — пока я гнулъ васъ въ три дуги, пикнуть не смѣли, носа изъ трущобъ никто не показывалъ; теперь любо? Ну, идите, сюда! Глядите на меня? Не видали еще?

— Ну, графъ, сказалъ офицеръ, будь вы на мѣстѣ молодежи, трудненько было бы съ вами ладить...

— Ага! Догадались! заговорилъ тотъ хриплымъ голосомъ, накидываясь на него, будто кабанъ, котораго неожиданно хватилъ сбоку новый врагъ: — да еслибъ вся желчь моя... стала порохомъ... какъ бы я взорвалъ себя... Лишь бы и васъ... вмѣстѣ... Глаза его закатились, онъ хватился за лобъ, покачнулся. Офицеръ хотѣлъ поддержать его; старикъ, собравъ послѣднія силы, толкнулъ его въ грудь и осѣлся на руки Службы...

Съ большимъ трудомъ усадили его въ карету, конвой сомкнулся вокругъ, и поѣздъ потихоньку тронулся межъ любопытной толпы.

IV.

ПРИКЛАДНАЯ НАУКА.

Кононъ Терентьевичъ на другой же день послѣ пожара прискакалъ къ родичамъ. Онъ былъ растеряннѣй обыкновеннаго, возраживалъ безъ всякой видимой причины, то-и-дѣло погружался въ задумчивость, хотя и старался отдѣлаться шуточками, когда ему это замѣчали...

— Слушайте-ка, сказалъ онъ Авениру: — нельзя ли мнѣ переѣхать къ вамъ на время; что-то я разстроенъ, все бы веселѣй вмѣстѣ...

Авениръ очень хорошо видѣлъ, что дядя боится одинъ на своемъ хуторѣ; но съ другой стороны исполнить его желаніе значило навязать себѣ на шею капризнаго ипохондрика, когда и безъ того хлопотъ много...

— Гдѣ же вы помѣститесь, дяденька, возразилъ онъ: — Юля больна; въ моей рабочей лежитъ Владиміръ Ивановичъ, онъ тоже не скоро поправится....

— Ну, нельзя, такъ не хлопчите, перебилъ тотъ: — я такъ только....

Возвращаясь домой по дорогѣ мимо сельскаго кладбища, разбросаннаго на песчаномъ пригоркѣ за выгономъ, встрѣтилъ онъ процессію. Впереди всѣхъ двое молодыхъ паробковъ несли на плечахъ деревянные кресты съ повѣшенными на нихъ полотенцами. Потомъ тихо подвигалась небольшая кучка крестьянъ съ двумя дубовыми домовинами; * за ними шла полу-помѣшанная Горпина, однообразно причитая: чоловіче ты мій, золотый! И съ надсадой тянула послѣднее слово....

Кононъ Терентьичъ крикнулъ кучеру погонять. Онъ не любилъ мертвыхъ и эта встрѣча еще сильнѣе подѣйствовала на него. Приѣхавъ домой, онъ опустился въ свое вольтеровское кресло, подозвалъ казачка и велѣлъ ему разрѣзывать при себѣ какую-то книгу....

— А знаешь, что я сейчасъ видѣлъ? Заговорилъ онъ, посматривая на мальчишку: — видѣлъ я, братецъ, какъ людей хоронятъ... Да! Возьмутъ человѣка, да въ землю и закопаютъ, и лежитъ тамъ человѣкъ и день, и два, и три...

— Та вже-жъ не живій? Отозвался казачекъ, глядя изъподлобья.

— А почему ты знаешь, что не живій? Вотъ, смотри, придутъ Поляки, тебя также закопа-

* Гробъ.

ють, и пошевелиться нельзя, вздохнуть нельзя, грудь-то все будетъ давить, давить...

— Та геть-те бо пань, огрызся казачекъ, оставляя книгу: — Якъ забалакаете, ажъ нудьга * возьме.

— То-то! Страшно небось? Какъ не страшно? Начнешь это разлагаться на элементы, пойдуть изъ тебя разные газы, поднимется брожение, а тутъ это черви-то, черви-то вѣсть тебя начнутъ....

Мальчишка, пучившій глаза съ каждымъ новымъ словомъ, одно другаго чуднѣе, не вынесъ на послѣдкахъ, затеръ кулаками глаза и вдругъ заревѣлъ на весь домъ....

— Ну, вотъ, дуракъ—дуракъ, куда ты? ласково проговорилъ Кононъ Терентьичъ: — я такъ, пошутилъ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ... Ну, сядь, сядь, посиди тутъ....

Та чомъ же міні сидить, міні спати треба..!

— Ну ты и спи тутъ, вонъ поди лягъ на диванъ, и спи, а я буду читать....

Кононъ Терентьичъ пошелъ въ кабинетъ, досталъ «мнѣнія древнихъ о загробной жизни» и сѣлъ читать, ожидая, пока мальчишка заснетъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбудить Малоросса, ипохондрикъ это очень хорошо зналъ и съ этой минуты былъ увѣренъ, что не останется одинъ....

* Тоска.

Тоже повторилось и на другой, и на третій день, такъ пошло и на долго. Казачекъ такъ приловчился, что только Кононъ Терентьичъ углубится въ думу, сдѣлаетъ стеклянные глаза, тотъ ужъ и не беспокоится объ немъ, прикурнетъ на диванѣ и захрапитъ во всю ивановскую.

Жизнь у стараго ипохондрика шла совершенно какъ часы, заводимые на долгое время.

На кухнѣ готовили обѣдъ; никогда не справляясь о вкусѣ пана, подавали его въ урочное время; иногда блюда оставались нетронутыми; постель онъ самъ себѣ опралялъ; остатокъ дня проводился въ кабинетѣ за книгами; такъ что умри онъ тамъ, не позвавъ казачка, домашніе узнали бы это развѣ дня черезъ два, черезъ три.

— Васъ якійсь панычъ спрашиваетъ, сказалъ ему какъ-то мальчишка, входя въ кабинетъ.

Кононъ Терентьичъ засуетился.

— Поди скажи, дома нѣтъ.... Понимаешь, меня дома нѣтъ.... Уѣхалъ, не знаю когда вернусь....

Мальчишка отказалъ гостю и вернулся въ кабинетъ передать его слова пану, — комната была пуста. Казачекъ сообразилъ впрочемъ, что пану негдѣ больше быть; онъ долженъ былъ пройти мимо ихъ....

— Паночку! Рѣшился онъ кликнуть.

Молчать.

— Паночку! Та чуєте; паночку! Жалобно проговорилъ казачекъ.

— Ушли? Послышалось откуда-то.

— Тю ты пропастина! Дѣжъ вы заховались? Міні страшно... жаловался онъ, крестясь.

— Ушли? Повторилъ Кононъ Терентьичъ, стаскивая одѣяло и вставая съ постели.

Прошло еще нѣсколько дней, Кононъ Терентьичъ потребовалъ, чтобъ изъ чулана доставили ему всѣ старыя, сваленныя туда книги. Ихъ носили корзинами; онъ важно стоялъ на порогѣ кабинета, принималъ ихъ, складывалъ къ стѣнѣ, опросталъ всѣ полки своей библіотеки, свалилъ всѣ въ кучу, заперъ кабинетъ на ключъ; вечеръ онъ еще просидѣлъ съ казачкомъ, а съ слѣдующаго утра затворялся въ кабинетъ и выходилъ только къ столу.

Между тѣмъ Авениру ошибкой прислали повѣстку, которой Конона Терентьевича приглашали въ губернскій городъ; надо было сдать ему на поруки Колю, по молодости лѣтъ, освобожденнаго отъ суда. Политико-экономъ отправился къ дядѣ и каково жъ было его удивленіе, когда онъ засталъ Конона Терентьевича въ какомъ-то балахонѣ, окруженнаго книгами самаго разнообразнаго свойства, сложенными стѣной на подобіе кирпичей, въ пирамиды, башни, гласисы и прочія архитектурныя украшенія. Ипохондрикъ стоялъ къ нему спиной, съ великимъ раченіемъ прилаживая Прудоновскій «Essai d'une

philosophie populaire» на многотомную историю государства Россійскаго. Замѣтивъ племянника, онъ юркнулъ подъ новоотстроенные своды и крикнулъ оттуда: сторонись! палю!

— Дяденька! Окликнулъ его Авениръ: — дяденька? Что жь это такое?

Знакомый голосъ вызвалъ ипохондрика изъ его пристанища; онъ подошелъ къ племяннику, и оглядываясь на свое издѣліе, таинственно прошепталъ: фундаментъ готовъ!

Авениръ только руками развелъ, кликнулъ казачка.

— Давно ли это съ нимъ?

— Та кто е знае?

— Что жь это будетъ, дяденька? Обратился Авениръ къ строителю, порѣшивъ увезти его къ себѣ.

— Крѣпость, сообщилъ тотъ подъ величайшимъ секретомъ: — только не та, понимаешь! Защита! Гдѣ бы мнѣ Армстронга повидать? Не читалъ ли ты въ газетахъ?

— Да онъ теперъ у насъ; хотите, поѣдемте?

— Поѣдемте, повторилъ старикъ.

Авениръ почти на рукахъ донесъ его въ экипажъ. И страшно и жалко было смотрѣть на его испитое лицо, блуждающіе глаза и сгорбившееся тѣло. Всю дорогу онъ что-то бормоталъ объ какихъ-то оборотняхъ, которыхъ и не разберешь—люди они, или волки; они собирались съѣсть его за то, что у него нѣтъ мѣ-

ховой шубы.... Надо заказать скорняку такую, чтобъ она выворачивалась по желанію на обѣ стороны, смотря потому въ какомъ видѣ явятся недруги....

— Отчего жь это на него опять нашло? Всхлопоталась Анна Михайловна.

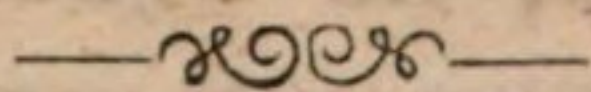
— Оттого, что у дѣтей

Послѣ старости прошедшей
Былъ фундаментъ сумасшедшій,

припомнилъ ей Авениръ.

Ипохондрика помѣстили въ *пустой* комнатѣ; по цѣлымъ днямъ его не слышать, за исключеніемъ рѣдкихъ припадковъ; и то, чуть онъ начнетъ метаться, кричать, Авениръ скажетъ ему: тише, дяденька, кто-то идетъ....

И больной прятался куда попало, притихалъ и успокоивался.

V.

UNE RÉFUGIÉE.

«Лондонъ, 15-го августа 1863.

«Не удивляйся, милый Аня, что я пишу тебѣ почти годъ спустя послѣ послѣдняго письма. Ты знаешь по себѣ, какъ всѣ мы лѣнивы безъ крайней надобности... Ну вотъ, по привычкѣ не обдумывать письма заранее, написалось такое слово, что ты пожалуй ужъ мысленно отсчитываешь сумму, которую можешь мнѣ пожертвовать, не стѣсняя себя. Нѣтъ милый, не то: писать, просто писать тебѣ хочется, побесѣдовать съ тобой, оправдаться передъ тобой, Авениръ. Ты всегда былъ немножко холоденъ и безучастенъ ко всему кромѣ насущныхъ потребностей, а не знаю почему кажется мнѣ, ты лучше другихъ поймешь меня. Я одна, совершенно одна, на чужой сторонѣ; слова живаго не съ кѣмъ перемолвить, лица симпатичнаго негдѣ встрѣтить. Я знаю, тебя это

поражаетъ: она въ *Лондонъ*? но дна? Ты на здѣшнихъ выходцевъ нашихъ мѣтишь; они потеряли въ моихъ глазахъ всякое значеніе, хоть собственно мнѣ отъ этого далеко не легче. Эти образы, закутанные тогой таинственности, стоявшіе на высокихъ пьедесталахъ, оказались топорною работой, какъ только я разсмотрѣла ихъ поближе. Я не чувствую ни малѣйшей охоты сближаться съ эмигрантами-соотечественниками. Кто меня не знаетъ, пожалуй увидить въ этомъ черту сатанинской гордости; а я не желаю и злѣйшему врагу дойти до той ужасной мысли, которая теперь не даетъ мнѣ покоя. Я почти убѣдилась, что я ничто. Если я уцѣлѣла нравственно, я обязана этимъ тому, что не выходила изъ своего головного мірка. Прими я хоть какое-нибудь участіе въ жизни, не поручусь что бѣ изъ меня вышло. Всѣ формы жизни прошли передо мною, всѣ направленія дѣятельности сталкивались вокругъ меня, ломая и уничтожая другъ друга; я увлекалась то тѣмъ, то другимъ, но приступить не могла ни къ одному. Какъ только я осматривалась въ новомъ положеніи на столько, что затаенная ложь, не чуждая ни одной партіи, начинала мнѣ сквозить чрезъ декоративную внѣшность, я чувствовала себя разбитою, уничтоженною, замирала на время для жизни, замыкаясь въ самой себѣ. Я не проклинала прежнихъ товарищей, я молча удалялась отъ нихъ;

они честили меня измѣнницей святому дѣлу и прочими кличками, къ которымъ только теперь я совершенно равнодушна,—только теперь, когда всѣ стремленія мои разбиты дѣйствительностью, когда я разочаровалась въ себѣ и во всемъ, за что жертвовала собою. Годъ тому назадъ, я сошлась съ людьми, которые казались мнѣ поборниками правды, добра, свободы, всего, не потерявшего для меня и до сихъ поръ своего истиннаго смысла. Теперь я вижу насквозь эту горсть честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга власть, какъ стая коршунъ тащитъ другъ у друга изъ клева требуху дохлой скотины. Я видѣла эту знаменитую борьбу, въ которой свобода народовъ—звучный предлогъ для возвышенія однихъ тирановъ насчетъ другихъ; я знаю всѣ ихъ средства къ достиженію цѣли самой низкой, прикрытой маскою національности. Я стояла лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ, съ которымъ они заигрывали до поры до времени. Это было послѣднею гирей на колеблющіеся вѣсы.... Нѣтъ словъ выразить презрѣнія, нѣтъ мѣрки для ненависти, которая почувствовала я къ нимъ. Я съ ужасомъ обернулась назадъ.... Тамъ, за мною, осталась Вѣрочка, сперва творившая себѣ потѣху изъ науки, а потомъ заигравшая въ революцію; тамъ былъ Коля, сразу принявшійся за разрушеніе троновъ; тамъ, наконецъ, накопилась мелюзга, тля, въ срав-

неніи съ которою эти дѣти казались гигантами.... Я осталась одна, на своей призрачной высотѣ, изломанная, искалѣченная, безъ всякой охоты къ жизни, безъ всякой вѣры въ будущность.

«И въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ остается? Писать о Россіи въ вольной русской книгопечатнѣ? Впервыхъ, эта вольная книгопечатня не дастъ хода свободному слову, а вовторыхъ.... Ты очень удивишься, но я все-таки доскажу мысль: писать *правду* о Россіи можно только въ Россіи, гдѣ она тотчасъ же всѣми обсуживается; только такъ можетъ она быть плодородною. Всѣ такъ-называемыя запрещенныя изданія не выходятъ изъ очень органиченнаго кружка читателей, да и тамъ они остаются чѣмъ-то въ родѣ рѣдкаго попугая или какого-нибудь *tagot chinois*. На глазахъ нашихъ они довели нѣсколько смѣльчаковъ до Сибири, — вотъ и весь результатъ. Нашлись еще, впрочемъ, господа, которые переписали рукописныя творенія этой несчастной молодежи красными чернилами, да и любуются по праздникамъ своею коллекціей. Какая себялюбивая, кровавая, отвратительная игра въ сочувствіе! Каковы бы ни были заблужденія писавшихъ, тѣ не лицемѣрили, тѣ потерпѣли кару закона, которая должна примирить ихъ съ оставшимися спокойно по домамъ...

«Я устала въ этой путаницѣ гадостей, низостей, встрѣчавшихся на каждомъ шагу. Я шла
часть IV.

— Чудное дѣло, заговорилъ вдругъ майоръ, выколачивая погасшую трубку:—я вотъ тоже не совсѣмъ возьму въ толкъ, про что́ это она пишетъ, а какъ-то оно ... того.... за сердце хватается!... Марши такіе похоронные бываютъ.

— Нѣтъ, она не вынесетъ этого состоянія, перебилъ Авениръ, обращаясь къ Русанову, и тому показалось, что́ все лицо говорившаго преобразилось: никогда еще не было оно такъ симпатично.—Это не такая натура! это у ней временно: или она пойдетъ дальше или умретъ.... она не будетъ оставаться въ этомъ... въ этой.... объективности, что ли? Жалко дяденьки нѣтъ, а то интересно было бѣ послушать, что́ онъ скажетъ.

— Ничего не скажетъ, замѣтила Юленька:—съ тѣхъ поръ, какъ ему сдали Колю, онъ и говорить боится....

— А хандра прошла? спросилъ Русановъ.

— Прошла. Вѣдь это у него тоже временно бываетъ.

— А я думаю, что она съ ума сойдетъ, начала было Анна Михайловна, задумалась и прибавила:—Будетъ объ этомъ право! Только тоска одна! Хоть бы она скорѣе ѣхала сюда, что ли!

Молодежь переглянулась съ улыбкой. Даже Русановъ помирился съ Анной Михайловной за эту фразу, въ которой природная доброта,

Богъ вѣсть, изъ какого уголка ея нравственнаго міра прорвалась сквозь цѣлый хаосъ всякой всячины. Онъ воспользовался какимъ-то хозяйственнымъ разговоромъ между стариками и вышелъ въ гостиную. Скоро къ нему присоединились Авениръ и Юленька.

— Поняли, гдѣ она могла меня видѣть? прямо спросилъ ихъ Русановъ.

— Брату я недавно сказала, отвѣтила Юленька; — я и сама не знала, что это будетъ отъ насъ такъ близко.

— Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, проговорилъ Авениръ. — Вся ея вина въ томъ, что она была послѣдовательнѣе насъ всѣхъ; она свои сумазбродства довела до послѣдняго конца.... Вотъ хоть бы я.... когда опомнился? когда затѣями-то въ конецъ раззорилъ имѣніе.... Теперь поѣзжай въ степь, да принимайся попросту за косулю; и то еще врядъ ли поправиться! Все потеряно, кромѣ чести, насильно улыбнулся онъ.

Юленька поблѣднѣла такъ замѣтно, что Русановъ поспѣшилъ пожать ей руку и проститься.

— Ну, ужъ мамзель, говорилъ майоръ, выѣзжая съ племянникомъ изъ воротъ и направляя бѣговыя дрожки къ Нечуй-Вѣтру:—и туда и сюда виляетъ, и изъ воды суха выходитъ.... Нѣтъ, въ старину такихъ не бывало, или мы ужъ, Богъ милостивъ, на нихъ не натыкались... И вѣдь вся семья почитай такая безпутная, а

лежить къ нимъ мое сердце, да и полно...

Русская удалъ въ нихъ отзывается....

Русановъ глядѣлъ въ сторону; въ темной перспективѣ ночи, по всей степи, покуда глазъ хватить, горѣли огоньки, малъ-мала-меньше, мигая чуть видными точками.... Это крестьяне жгли въ копнахъ обмолоченную гречаную соломѣ.

— Да ты не слушаешь, Володя? сказалъ майоръ, обернувшись назадъ отъ вожжей.

— Какже, слышу! встрепенулся тотъ:—на что жь это ее истребляютъ?

— Солому-то? А куда жь ее беречь? Ты смотришь, что она рослая, да красивая, а ты спроси, на что она годится? Скотъ ее не ѣстъ, для топки мала.

Русановъ опустилъ голову; странная параллель развѣртывалась передъ нимъ: «еслибы тою сильною натурой да умѣли воспользоваться,» думалось ему.

— Ну, опять пошелъ задумываться! О чемъ еще? заговорилъ майоръ.

— Да все о томъ же.

— Это чтобы хуторъ-то продать?

— Что жь мнѣ дѣлать: дяденька, не могу съ собой совладать! Просто постыли мнѣ эти мѣста. Легче, кажется, не видать ихъ.... уѣдемте въ Москву.

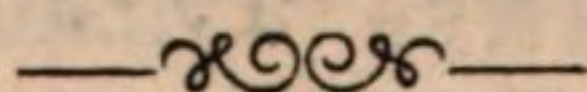
— Да по мнѣ что жь? Я старикъ; мнѣ вѣкъ-то доживать, гдѣ хочешь, все едино.

— Ну такъ по рукамъ! Мѣсяца надва я куда-нибудь уѣду, поразсѣюсь.... а тамъ и проживемъ по старому.

— Ну такъ, такъ и такъ! порѣшилъ майоръ, и всю дорогу перебиралъ сосѣдей, кому бы по-выгоднѣй спустить родимое гнѣздышко.

Русановъ тоже не заговаривалъ болѣе; задумывалъ широкій планъ, осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, колебался, соображалъ, и наконецъ, входя въ комнаты, спросилъ дядю, не знаетъ ли онъ, когда ѣдетъ Чижиговъ?

— А вотъ съѣзди завтра, самъ узнаешь.... Ты что-то совсѣмъ забылъ его. Онъ жалуется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сосѣдъ нашъ, и въ глаза тебя не видалъ.

VI.

ДОБРЫЯ ДУШИ.

Поутру Владиміръ Ивановичъ велѣлъ осѣд-
лать свою лошадь и отправился на Ишимовскій
хуторъ. Еще дорогой поразила его перемѣна
прежней, барской обстановки. Не вдалекѣ отъ
усадыбы, на мѣстѣ конюшни, заставленной бы-
вало рысаками, бѣлѣла новая крупорушка; въ
отворенную дверь виднѣлась пара сытыхъ во-
ловъ, ходившихъ по кругу машины; садъ об-
несся прочною, живою изгородью; у воротъ
лаяла цѣпная собака; тамъ и сямъ по двору
выросли клумбы цвѣтовъ; въ окнахъ сквозили
драпри; на крыльцѣ лежала чистая цыновка.
Отовсюду вѣяло порядкомъ, домовитостью, жен-
щиной.

— Давно васъ ждемъ, дорогой гость! встрѣ-
тила Русанова Катерина Васильевна:—что-й-то
заспѣсивились!

— Да какъ же вы пополнѣли, похорошѣли,

говорилъ тотъ входя за ней въ уютную гостиную:—по лицу видно, что вы и здоровы, и покойны, и счастливы, на сколько это возможно. — Даже больше, улыбалась она, подвигая ему мягкое кресло, и сама усѣлась визави, оправляя плотное шелковое платье.

Вошелъ Чижиговъ. Русанову показалось, что онъ не то выросъ, не то побрился; что-то и въ немъ произошло особенное. Онъ бросилъ соломенную шляпу на старое фортепіано и весело поздоровался съ Русановымъ.

— Остатки прежней роскоши, пояснилъ онъ, замѣтивъ брошенный гостемъ взглядъ на ветхій инструментъ: — должности своей болѣе не исправляетъ, но пользуется почетнымъ угломъ, какъ товарищъ въ годину испытаній, продекларировалъ онъ, переглянувшись съ женой.

— Я слышалъ, вы изъявили желаніе служить въ Царствѣ Польскомъ, заговорилъ Русановъ: — такъ я хочу предложить вамъ ѣхать вмѣстѣ до Варшавы.

— А вы тоже... служить?

— Нѣтъ, я такъ... — И Русановъ, немного смутившись, обратился къ Катенькѣ: — вамъ вѣдь скучно будетъ безъ него?

— Нѣтъ, отвѣтила та: — мнѣ такъ пріятно будетъ заняться улучшеніями къ его пріѣзду, а ужъ ждать-то, ждать какъ буду.

— Вотъ и достойный представитель семейнаго счастья, вскрикнулъ Чижиговъ, указывая Ру-

санову на вбѣжавшаго стремглавъ трехлѣтняго пышку. Весь раскраснѣвшись, растрепанный, онъ такъ и кинулся съ звонкимъ смѣхомъ на колѣни къ матери. За нимъ ковыляла старая Федосьевна.

— Мама, няня не пускаетъ гуль-гуль! жаловался мальчуганъ.

— Что такое, Федосьевна? улыбалась Катенька, причесывая крошку.

— На голубятню, барыня, какъ есть на самый верхъ залѣзъ было, шамкала старуха.

— Не надо, упадешь, бо-бо! ласково журила мать.

— Не надо, бо-бо! повторилъ тотъ и занялся деревяннымъ гусаромъ, а потомъ началъ всѣхъ увѣрять, что это дядя.

— Какой дядя? спросилъ Русановъ.

— О! отвѣтилъ тотъ, и уставился на него пальцемъ.

— Какъ его зовутъ?

— Митрій Митричемъ, батюшка, зашамкала няня, — вонъ по дѣду да по отцу; и у самого вѣтки будутъ, все первенькаго-то Митрій Митричемъ звать будутъ. Да, легко ли всѣхъ выходила! Катенька-то давно ли сама такая была, а вотъ привелъ Богъ и внучка носить.

— Ну, завралась старуха, сказалъ Чижи-ковъ, — а и впрямь она намъ почти что родная. Пойдемте-ка, Владиміръ Иванычъ, до обѣда я вамъ хозяйство наше покажу.

Онъ повелъ гостя на птичный дворъ; старые знакомцы-корольки терялись въ кучѣ кохинжинокъ, брамапутръ, индѣекъ; и вся орава съ клохтаньемъ и кудахтаньемъ обсыпала хозяина. Онъ сорилъ имъ хлѣбъ, подалъ ломоть тирольской коровѣ, флегматически смотрѣвшей черезъ загородку; та протянула морду, фыркнула, вернула раза два языкомъ и принялась жевать подачку. Потомъ Чижиговъ провелъ Владиміра Ивановича фруктовымъ садомъ, съ завѣшанными сѣтью деревьями, на крутой обрывъ; поднимъ тянулись золотистыя жнивья, пестрѣвшія скирдами. Чуть слышно звенѣли пѣсни крестьянъ, развозившихъ снопы.

— Все вѣдь самъ устроилъ, говорилъ Чижиговъ, потягиваясь на дерновой скамьѣ: — какъ пріѣхали-то мы сюда, ни кола, ни двора не было.

— Честь и слава! проговорилъ Русановъ, довольно равнодушно.

— Да, великое дѣло — собственность, обеспеченность, продолжалъ Чижиговъ, съ замѣтнымъ самодовольствомъ: — говорятъ человѣкъ тупѣетъ отъ нея, жирѣетъ.... Вздоръ! Лучше человѣкъ становится, дѣятельнѣй! Есть что защищать, есть о чемъ хлопотать; средства есть, наконецъ, посвятить себя безкорыстной дѣятельности, сознать долгъ гражданина.

«Такими людьми свѣтъ держится», подумалъ Русановъ, и прибавилъ вслухъ:

— Смотрите-ка, кто это идетъ къ намъ. Кажется, Юлія Николаевна.

— Да, вѣдь они съ Катенькой пріятельницы; сосѣди-то всѣ оставили ее, не принимаютъ....

ну, да вы человѣкъ близкій, сами знаете. А Катенька съ ней попрежнему... Она теперь верхомъ ѣздитъ; нѣтъ-нѣтъ да и завернетъ къ намъ.

— Здравствуйте, патріоты, какъ статскій, такъ и воинъ, здоровалась Юленька такъ весело, что Русановъ тотчасъ понялъ, какъ ей легко бываетъ въ этомъ домѣ; понялъ и то, почему она стала уѣзжать изъ своего на прогулки.

— Скоро вы ѣдете, сосѣдъ? освѣдомлялась она.

— Хочется поскорѣй, говорилъ Чижиговъ. Повѣрите, Владиміръ Ивановичъ, я человѣкъ смирный, а до какой степени они меня озлобили своими продѣлками! Даже жалости я къ нимъ никакой не чувствую. Еще денька два и ѣдемте.

— И вы тоже? удивилась Юленька.

Русановъ кивнулъ головой.

Весь обѣдъ Юленькѣ было какъ-то неловко; она то заставляла себя шутить, то, не доканчивая начатой рѣчи, задумывалась, такъ что всѣ наконецъ замѣтили. Выйдя изъ-за стола, она тотчасъ опустила пажи амазонки и стала прощаться. Русановъ вызвался проводить ее, говоря, что ему нужно переговорить съ Аве-

ниромъ. Поднимая ее на сѣдло, онъ почувствовалъ легкую дрожь въ ея рукѣ, и положилъ себѣ не тревожить ея неумѣстными разспросами. Но не успѣли они отѣхать полверсты, она пустила лошадь шагомъ и обернулась къ нему.

— Что, небось, завидно? сказала она, указывая хлыстикомъ на скрывавшуюся усадьбу.

— А то незavidно, отвѣтилъ Русановъ.

— Кто жь вамъ мѣшаетъ? проговорила она, замѣтно поддѣльнымъ голосомъ: — взяли бы себѣ жену, стали бы такимъ же семьяниномъ.

Русановъ молчалъ.

— Я понимаю васъ, продолжала она: — еще бы мнѣ васъ не понять! Мы оба надломаны. Говорятъ: «битая посуда два вѣка живетъ»; да что толку? Но вотъ что, Владиміръ Ивановичъ, какой толкъ и мыкаться-то?

— Никакого, отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ же вы ѣдете, живо перебила она.

— А зачѣмъ мнѣ оставаться? Полгода еще, по крайней мѣрѣ, лѣчиться надо; да наконецъ не вѣкъ же и воевать.

Она молчала, поиграла поводьями, потомъ тихо проговорила, глядя всторону:

— Счастливый путь... Охъ, да еслибъ вы знали, какъ охотно сама я уѣхала бы куда-нибудь... только подальше... хоть въ Сибирь, хоть въ Камчатку...

Иной разъ едва слышная рѣчь разить больнѣй всякихъ возгласовъ любого трагика; та-

кимъ дѣйствительнымъ, жизненнымъ отчаяніемъ отдались въ Русановѣ эти слова...

— Вы думаете легко мнѣ здѣсь? продолжала она въ порывѣ откровенности: — мать родная косится, бѣгаетъ меня словно зачумленной; братъ... Ну, конечно, онъ такъ благороденъ, что не выказываетъ, какъ ему трудно снести пятно семейной чести; да развѣ я не чувствую этой обидной снисходительности? А сосѣди? Тѣ ужь прямо, чуть не въ глаза, распутной зовутъ....

Тяжело было Русанову слушать ее; онъ почти обрадовался, когда она завидѣвъ невдалекѣ околицу хутора, подняла лошадь въ галопъ и не сдерживала ее вплоть до самаго крыльца.

Они застали Авенира въ его рабочемъ кабинетѣ; онъ давалъ аудіенцію сѣдому атаману, и въ первый разъ еще, можетъ-быть, болѣе слушалъ, чѣмъ самъ говорилъ... Какъ только тотъ отпустилъ старика и спряталъ счетную книгу, Русановъ обратился къ нему съ вопросомъ, не будетъ ли порученій въ Лондонъ?

— Я ѣду за границу, прибавилъ онъ.

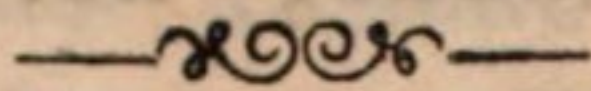
Юлія вздрогнула, Авениръ поднялъ на него изумленный взглядъ, прояснился, и вдругъ взявъ обѣ руки Русанова, крѣпко стиснулъ ихъ...

— Какъ не быть порученій? заговорилъ онъ со слезами на глазахъ: — давно готовы уже... Вотъ...—Онъ отперъ ящикъ письменнаго стола и досталъ денежный пакетъ: — тутъ все, что

можно послать, отвезите ей... Любите ее, Русановъ, любите мою бѣдную, несчастную сестру! Спасите ее! говорилъ онъ, обнимая Русанова. Онъ просидѣлъ съ ними вечеръ, толкуя о предстоящей поѣздкѣ, прося ихъ сохранить ее втайнѣ отъ уѣздныхъ язычковъ. Проходя темную залу, онъ столкнулся съ Юліей, поджидавшей его.

— Возьмите это, проговорила она взволнованнымъ шепотомъ, сунувъ ему въ руку бриліантовое кольцо: — можно продать... Это его подарокъ... Богъ съ нимъ, а я ему зла не желаю..... Прощайте... — И она, едва сдержавъ рыданіе, скользнула безъ шума въ свою комнату.

Грустно выѣхалъ Русановъ съ маленькаго хуторка: судьба молодой женщины глубоко запала ему въ душу; теперь только понималъ онъ, какъ женщина можетъ любить и что она можетъ простить...

VII.

П Р О В О Д Ы.

У подъѣзда губернской гостинницы позвякивала бубенчиками почтовая тройка. Ямщикъ, стоя въ перекладной телѣжкѣ, увязывалъ переплеть надъ двумя чемоданами. На дворѣ собирався народъ, дня два уже ходилъ по городу слухъ о поѣздкѣ Чижикова въ Польшу; всѣмъ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на земляка...

Онъ самъ хлопоталъ въ буфетѣ объ угощеніи созванныхъ имъ знакомыхъ, ничуть не подозрѣвая что происходило между ними въ общей залѣ, гдѣ они неожиданно, негаданно, столкнулись носъ съ носомъ.

— Ну, братъ, говорилъ Полозовъ зятю, утираясь пестрымъ платкомъ: — тащилъ я тебя, уговаривалъ проститься съ Митричемъ-то, а самъ попалъ, какъ куръ во щи...

— Что такое? отвѣтилъ Доминовъ, не поднимая глазъ съ полу.

— Вонъ онъ, пріятель-то! подмигивалъ тестъ на забившагося въ противоположный уголъ Авенира: — эхъ, кабы зналъ гдѣ упалъ, такъ соломки бы подослалъ! Ажно потъ прошибаетъ, какъ вспомню, какъ я его желѣзомъ-то погрѣлъ.

«Кому первому подойти?» думалъ Русановъ, расхаживая вдоль по залѣ и поглядывая на бывшаго начальника: «кто изъ насъ больше виновать другъ передъ другомъ?»

Старичокъ - священникъ одиноко сидѣлъ у окна, и степенно сложивъ руки, избѣгалъ взгляда другаго купца, раскольника, переминавшаго въ рукахъ картузь.

Положеніе стало еще затруднительнѣе, когда старый докторъ, отецъ Вѣрочки, влетѣлъ мелкимъ бѣсомъ и началъ со всѣми здороваться...

— Завидный характеръ, шепнулъ Авениръ подсѣвшему Русанову: — дочь-то гдѣ? А ему и горюшка мало....

— Я уйду, отвѣтилъ тотъ. — Каково видѣть эту рознь даже между своими?...

И въ самомъ дѣлѣ онъ взялся было за кѣну, какъ вдругъ вошелъ Чижиговъ; за нимъ половой съ виномъ и бокалами. Всѣ поднялись на встрѣчу хозяина....

— Ну, господа, заговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, — прошу не взыскать на угощеніи... Больно ужъ спѣшно собрались... Коли въ чемъ виновать передъ вами, простите... Богъ знаетъ, придется ли когда свидѣть-

ся? Придется если положить за васъ голову, жену мою не забудьте...—Голосъ у него дрогнулъ, и онъ торопливо взялъ свой бокаль:— Не оставьте, Богъ васъ не оставитъ, а я служить готовъ... За матушку Русь! крикнулъ онъ, поднимая бокаль...

— Ура! отвѣтили всѣ, обступивъ его: — качать его! качать!

И подхвативъ на руки, подняли вверхъ...

— Шампанскаго! кричалъ онъ, задыхаясь отъ дружныхъ подхватываній:—наливай проворнѣй!

— Ваше здоровье! проговорилъ Полозовъ, подходя къ Авениру:—прости и ты меня, баринъ; дѣло коммерческое... сочтемся!

— Не то время теперь, чтобы старыми долгами считаться, отвѣтилъ тотъ, чокаясь, — а я не сержусь: за ученаго, говорятъ, двухъ даютъ... А понадобятся деньги, къ тебѣ жь приду.

— Это онъ вретъ, шепталъ Русановъ Доминову, пожимая въ общемъ говорѣ его руку, — не легко ему, да и къ тому попробуй приди за деньгами, пожалуй и не дастъ... А вотъ за что люблю Русь—незлопамятна! прибавилъ онъ вслухъ.

— Именно незлопамятна, подхватилъ докторъ, — вотъ вамъ теперь на дѣлѣ это придется доказать.. несчастной этой націи, которая только своего хочетъ,—и онъ взялъ было Русанова за пуговицу.

— Какъ такъ? отшатнулся тотъ.

— Вы вѣдь тоже въ Польшу...

— Нѣтъ, за границу, холодно отвѣтилъ Русановъ.

— А за коимъ шутомъ тебя за границу несетъ, баринъ? вступился, начинавшій хмелѣть, Полозовъ, уставясь противъ него руки въ боки...

— Да вамъ-то какое дѣло?

— Не дѣло ты говоришь, вотъ что! Какого Русака теперь понесетъ за границу? чего онъ тамъ не видалъ? какого добра?

— Опомнись, глаза-то пропилъ что ли? ты погляди на барина-то, въ какомъ онъ уборѣ, перебилъ раскольникъ, указывая на перевязки Русанова.

— Вотъ это такъ, заговорилъ священникъ, — этого барина и я знаю; за дурнымъ не поѣдетъ... а вотъ вамъ докторъ не слѣдь такія рѣчи держать... да еще и не въ первый разъ.

— Да, нѣтъ, что же! оправдывался тотъ, оробѣвъ: — я такъ только насчетъ гуманности вообще... я самъ немножко прогрессистъ... материалистъ, путался онъ; вотъ на молодежь сошлюсь.

— А по нашему. по просту, сказалъ раскольникъ, — ни Богу свѣча, ни чорту кочерга.

— И ты туда же, разгорячился было докторъ, — самъ-то отщепенецъ, молчалъ бы ужь.

— Отщепенецъ? повторилъ раскольникъ глухимъ тономъ и глаза его засверкали изъ-подъ сдвинутыхъ бровей: — да хоть и отщепенецъ, а

все ближе къ нимъ, чѣмъ ты; мы вотъ съ батюшкой-то споримъ о двуперстномъ, да еще кой-какіе счетишки есть, а вѣдь вы — эна куда махнули! поднялъ онъ руку къ потолку.

— Каковы мы ни на есть, отозвался Полозовъ, — да вотъ всѣ вмѣстѣ, а переметчиковъ намъ не надоть... Вотъ тебѣ Богъ, вотъ тебѣ и дверь.

— Посошокъ, господа, посошокъ на дорогу! подоспѣлъ Чижиговъ съ бокалами.

Докторъ не сталъ, однако, дожидаться, и уѣхалъ безъ посошка, сопровождаемый очень не двусмысленными взглядами.

— Есть ли у тебя деньги-то, а то вотъ за одно ужъ, заговорилъ Полозовъ сильно навеселѣ, и доставая бумажникъ изъ дутаго сапога:—Полозовъ двадцать тысячъ солдатушкамъ отсыпалъ, прибавилъ онъ не безъ гордости, — такъ за двадцать первой не постоятъ!

— Ничего, раскошеливайся, поддакнулъ раскольникъ.

— Спасибо на чести, перебилъ Чижиговъ, — а отъ убытка избавимъ; теперь присядемте.

Присѣли; священникъ помолился; наступила минута того молчанія, что всегда странно сжимаетъ сердце на разставаньи.

— Ну, теперь съ Богомъ! поднялся Чижиговъ, слегка поблѣднѣвъ.

Всѣ поочередно обнимались, и всѣ гурьбой вышли на крыльцо; въ собравшейся толпѣ про-

несся говоръ, десятка два знакомыхъ лицъ мелькнуло передъ взволнованными спутниками. Пудъ Савичъ, растабарывавшій съ пріятелями, какъ увидалъ Русанова, снялъ шляпу и началъ кланяться, осклабляясь и встряхивая волосами. Красивая молодка поднимала на рукахъ своего мальчишку, точно и онъ могъ интересоваться происходившимъ. Старичокъ прокуроръ протѣснися сквозь народъ и торопливо пожалъ руку Русанову: добрый путь... добрый путь, зачастилъ онъ, помогая ему взобраться на телѣгу. Владиміръ Ивановичъ замѣтилъ и Нилочку; она покрылась простенькимъ платкомъ, замѣшалась въ толпу и, словно хоронясь, выглядывала оттуда; онъ кивнулъ ей головой и усѣлся вмѣстѣ съ Чижиковымъ, откланиваясь провожатымъ. Затенькали бубенчики, загудѣлъ колокольчикъ сначала рѣдко, и пристяжныя, закрутивъ шею, ровною рысцой повезли ихъ по улицѣ. Громче и громче частилъ колокольчикъ, трясче подпрыгивала телѣжка, лошади пошли вскачь... Вотъ и почтовая станція пронеслась мимо, потянулось шоссе, городъ плавно уходилъ изъ глазъ... На всѣ стороны зеленѣла даль равнины съ бѣлыми точками хатъ, ручными зеркальцами прудовъ, темными полосками яровъ и рощицъ; высоко, высоко ныряя въ безоблачной синевѣ, замирала трель жаворонка, перехватываемая гудѣньемъ поддужнаго колокольчика.

— Прощайте степи! заговорилъ Русановъ,

обращаясь къ товарищу, задумчиво глядѣвшему назадъ:—два раза наѣзжалъ я сюда, не рука мнѣ здѣсь. По крайней мѣрѣ окрѣпъ, и лиха за собой не оставилъ.

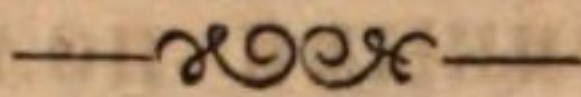
Чижиговъ заглянулъ ему въ лицо съ чуть примѣтнымъ удивленіемъ.

— Вамъ странно, что я такъ легко покидаю ихъ, говорилъ Русановъ, словно угадавъ его мысль;—у васъ тутъ жена, дѣти, домъ... Мнѣ нечего жалѣть, пережитое со мной, а то что недавно проснулось, встрѣтимъ на каждомъ шагу... Да, проснулось оно, русское чувство, заваленное, замусоренное, опрокинуло весь наплывъ; ходу просить, говорить хочетъ,...

Чижиговъ уже слушалъ его съ жадностью.

— Къ чорту напускную хандру! Бодръ и молодъ я, жить хочу, любить... да только теперь и люблю настоящею, живою любовью... И вотъ она вся... — И Русановъ закрылъ на минуту глаза:—какъ живая стоитъ передъ мной!

— Да, освѣжило, перебилъ Чижиговъ, не понявъ Русанова:—постоимъ за себя, сила есть, русскимъ духомъ пахнуло.

VIII.

Н Е М Е З И Д А.

По мѣрѣ того, какъ путники подавались къ сѣверу, измѣнялся колоритъ мѣстности; равнина стала прятаться въ парусникахъ дубняка, перемѣшаннаго съ калиной, маскировалась возвышенными покатосями; еще рѣзче виденъ былъ переходъ растительности: прежде всего пропали пирамидальные тополи, а тамъ и дубовыя рощи стали попадаться все рѣже, да рѣже; ихъ замѣнила береза, липа, кленъ; цѣлыя лѣса синѣли на горизонтѣ; скоро и дорога обсадилась ими; вмѣсто чистенькихъ, бѣлыхъ хатокъ по дорогѣ стояли почернѣвшія бревенчатыя избы съ растрепанными соломенными крышами. Сплошь и рядомъ чернѣли пожарища; босоногія ребятишки гнались за почтовой тележкой, выпрашивая христареди погорѣлымъ! чаще стали они обгонять военные отряды; на весь край легла печать унынія, запустѣнія, словно какое-то тлетворное повѣтріе прошло

недавно по этимъ урочьямъ, и жители не успѣли еще оправиться. Русановъ разстался съ Чижиковымъ на варшавской станціи. Бдучи городомъ, онъ почти не узнавалъ недавняго поприща террора; тамъ и сямъ по угламъ улицъ стояли дозорцы, дамы смиренно волочили по тротуарамъ цвѣтныя платья; патріоты словно въ воду канули; чаще стали попадаться русскія лица. На торговой площади собирались жители, войска становились по бокамъ пестрыми шпалерами; въ толпѣ раздавалось сдержанное жужжанье нѣсколькихъ сотенъ голосовъ.

Русановъ остановилъ своего извозчика, и, завидѣвъ русскую физіономію, съ бородкой и въ поддевкѣ, обратился съ вопросомъ.

— Мятежника казнятъ, флегматически отвѣтилъ тотъ;— слышь, почты грабилъ, что народу перевѣшалъ: а тамъ какъ накрыли ихъ, забравъ казну, да въ чужіе край тягу хотѣлъ задать; тутъ въ корчмѣ и попался... Пробраться надо загодя, а то народъ-отъ напретъ и поглядѣть не достанется...

Русановъ замѣшался въ толпу. Скоро потянулась процессія: впереди шелъ ксендзъ съ крестомъ, сумрачно оглядывая зрителей; за нимъ двое солдатъ вели подъ руки Езинскаго. Онъ былъ блѣденъ и едва передвигалъ ноги. Взводъ солдатъ съ барабанщикомъ передъ фронтомъ конвоировалъ его до позорнаго столба; на него надѣли бѣлый балахонъ, скрутили ру-

ки назадъ и привязали его къ столбу. Ксендзь подошелъ къ нему; Езинскій глянулъ изъ подлбья и отвернулся.

— Отказывается, сообщилъ ксендзь офицеру.

Непріятное чувство сдавило Русанова при видѣ закутанной фигуры преступника, которому подняли на голову капюшонъ. Шесть чловѣкъ вытянулись въ линію, глядя на командующаго. Барабанщикъ ударилъ безостановочную дробь. Зрители замерли въ ожиданіи, почти не слыша рѣзкаго раската барабана, заглушавшаго взводы курковъ. Офицеръ махнулъ платкомъ, бухнулъ оглушительный залпъ, бѣлая масса дрогнула на столбѣ и осѣлась, опустивъ голову. Отвязанный трупъ пошелъ къ землѣ, словно кулъ муки; солдаты обходили его церемоніальнымъ маршемъ...

— Мученикъ! зарыдала какая-то Польша возлѣ Русанова.—Что жь радуйтесь, злобно проговорила она, истерически обращаясь къ Русанову, и колотя себя въ грудь;—кровью вѣдь пахнетъ...

— Нечему радоваться, не о чемъ и жалѣть, холодно отвѣтилъ Русановъ, пробираясь черезъ толпу къ станціи желѣзной дороги. Невдалекѣ отъ дебаркадера ему попался вооруженный отрядъ, сопровождавшій партію мятежниковъ, высяаемыхъ въ дальнія губерніи Россіи. Всѣ они шли, межъ двумя рядами штыковъ, въ сѣрыхъ арестантскихъ зипунахъ, съ холстинными мѣш-

ками на плечахъ. Небольшое число пожилыхъ, непріятно поражавшихъ почти звѣрскими фізіономіями, терялись въ живомъ потокѣ цвѣтущихъ, румяныхъ лицъ молодежи, которая замѣтно бодрилась на глазахъ любопытной толпы прохожихъ. За пѣшими потянулись наемные экипажи болѣе зажиточныхъ пановъ и семействъ ихъ. Въ одномъ одиноко сидѣла молодая женщина, показавшаяся знакомою Русанову. Онъ протѣснился къ ней и узналъ Вѣрочку; та быстро опустила вуаль и понурила голову...

«Сколько силъ сгублено, сколько жизни убито!» думалъ Русановъ, грустно глядя на остававшую толпу: «изъ-за чего? изъ-за призрака, изъ-за марева...»

Онъ не хотѣлъ ни на минуту оставаться въ опальномъ городѣ и взялъ билеты перваго отходившаго поѣзда. На дебаркадерѣ спали въ растяжку, не раздѣваясь, измученные, истомленные тяжелою службой солдаты; кое-гдѣ сновали Жиды-факторы, робко предлагавшіе свои услуги.

Русановъ сѣлъ въ вагонъ, прислонилъ голову къ стѣнѣ и заснулъ подъ тряскій гулъ поѣзда, безъ всякой мысли, безъ тревожныхъ видѣній...

Когда рѣзкій свистъ машины разбудилъ его, вагонъ былъ уже освѣщенъ. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ съ нѣмецкою фізіономіей, протянувъ ему пачку газетъ. Русановъ

прочелъ, между прочимъ, крупныя литеры: *Колоколь...*

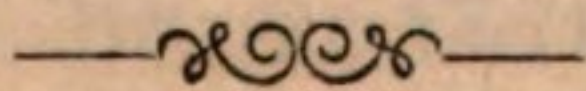
— Не опасайтесь, заговорилъ Нѣмецъ, перетолковывая по своему молчаніе Русанова: — русская граница за вами далеко уже...

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣтилъ Русановъ, улыбаясь ему въ глаза. — Только на этотъ товаръ едва ли ужъ найдутся охотники; кажется поприѣлось...

Нѣмецъ отошелъ съ вытянутымъ лицомъ.

«Въ такое время возбуждать несбыточные надежды», думалъ Русановъ; «спокойно подускивать юношей на штыки и картечь, да это хуже убійства и грабежа...»

Онъ выглянулъ въ окно, надѣясь освѣжить себя впечатлѣніями чуждой природы, о которой когда-то мечталъ на школьной скамьѣ. Утреннія сумерки понемногу расплывались; машина тихо двигалась по мосту; внизу темнѣли тѣ же дубы и сосны; какая-то рѣчонка вилась бѣлою тесемочкой; чуть примѣтною кучкой мурашекъ паслось стадо... Съ шумомъ пронесся встрѣчный поѣздъ...

IX.

НЕИЗБЪЖНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

Ненастный, осенній день вечерѣлъ на улицахъ Лондона; сплошная, ровная, какъ запыленный пологъ, сѣрая туча висѣла почти надъ крышами кирпичныхъ домовъ. Словно сквозь сито моросилъ мелкій дождикъ. По блестящимъ, взмокрымъ плитамъ, сновали пѣшеходы подъ зонтиками; у крыльца большого отеля остановился наемный кэбъ; Русановъ проворно соскочилъ на земь и взялся за молотокъ.

Робко спросилъ онъ отворившаго слугу о миссъ Иннѣ, словно со страхомъ ожидая непріятнаго извѣстія.

Тотъ окинулъ его недоумѣвающимъ взглядомъ.

— The Russian miss? пояснялъ онъ настойчивѣй.

— Upstairs, равнодушно отвѣтилъ слуга, показывая вверхъ по лѣстницѣ.

Русановъ миновалъ еще три этажа; отъ усталости или отъ волненія колѣни его дрожали,

когда онъ остановился противъ низенькой кле-
енчатой двери, съ надписью мѣломъ: Horobetz.
Сильно заколотилось въ немъ сердце; онъ тол-
кнулъ дверь и очутился въ тѣсной коморкѣ ли-
цомъ къ лицу съ человѣкомъ, среднихъ лѣтъ
на видъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, вскло-
ченной бородой, лежавшимъ на кушеткѣ безъ
сюртука. На полу валялась пустая бутылка.

— Дома Инна Николавна? спросилъ удивлен-
ный Русановъ.

— Я за нее, отвѣтилъ тотъ съ пьяною улыб-
кой, приподнимаясь на локоть и посмотрѣвъ
пристально на гостя:—стало-быть Русскій? при-
бавилъ онъ полувопросомъ.

— Гдѣ жъ она? перебилъ Русановъ.

— Что дашь? скажу! нагло отвѣтилъ хозя-
инъ:—здѣсь, братъ, ничего даромъ не дѣлаютъ.

— Что хотите, скажите ей только, что я
пріѣхалъ.

— Поди самъ сыщи, пробурчалъ хозяинъ и
выразительно свистнулъ, махнувъ рукой.—Она
меня посѣяла тутъ... На что братъ? Братъ —
обуза... Леонъ негодай.

— Ея нѣтъ? Вы Леонъ? говорилъ Русановъ,
сбитый съ толку, измученный поисками и не-
удачей, и опустился на желѣзный стулъ:—какъ
у васъ тутъ холодно, сыро! Боже мой! Не-
ужели она тутъ жила? Гдѣ жъ она?

— Поставишь полдюжины портеру? лакони-
чески освѣдомился хозяинъ.

— Хорошо, идетъ... Тамъ разкажете... Пойдемте же, пойдемте, торопилъ Русановъ, вставая.

— Пойдемте, говорилъ Леопъ, надѣвая сильно поношенное пальто и войлочную шляпу, носившую несомнѣнные слѣды бивачной жизни владѣльца, — я васъ сведу... я тутъ всѣ теплыя мѣста знаю.

Онъ заперъ на ключъ дверь, написалъ мѣломъ на клеенкѣ: *is now at Bull's tavern*, и сталъ спускаться, придерживаясь за рампу.

«Въ какомъ положеніи!» думалъ Русановъ, слѣдуя за нимъ: «что она должна была вытерпѣть, если рѣшилась оставить его?»

— Правда, что пьянымъ по колѣно море, ворчалъ Леопъ, шлепая по лужамъ, и направляясь къ простонародной тавернѣ: — смерть хотѣлось опохмѣлиться, вотъ вы и... того... Да кто жъ вы такой? остановился онъ вдругъ.

— Я... встрѣчался съ вашею сестрой за границей, разсудилъ Русановъ сохранить инкогнито.

— Сюда! сюда! радостно сообщилъ путеводитель, отворяя стеклянную дверь и не безъ достоинства усѣлся къ столику, — *two bottles of stout, waiter!* скомандовалъ онъ: — вы не повѣрите, какъ скоро учатся чужому языку въ моемъ положеніи, прибавилъ онъ, наполняя стаканъ дрожащими руками, съ сіяющимъ взглядомъ.

— Ну, такъ какже? началъ Русановъ, когда Леонъ утолилъ немного жажду.

— Да что, уѣхала въ *** (онъ назвалъ одинъ изъ приморскихъ городковъ), оставила меня... презираетъ. Это хорошо, что презираетъ... дрянъ я, и больше ничего! Ну, дрянъ такъ дрянъ!... А за что? продолжалъ Леонъ, устремивъ на Русанова туманный взглядъ:—почему я не развязался съ ними? Да очень просто... Какъ съ голоду умирать приходится, такъ не развяжешься.

Русановъ узналъ все, что ему было нужно, и собирался уйти, размышляя только: дать ли денегъ Леону и какой прокъ изъ того будетъ.

— А отчего это все? заговорилъ Леонъ, ни къ кому уже не обращаясь и повѣсивъ голову: — вольно жъ отцу было жениться на ней, когда мнѣ ужъ два года стукнуло... Мать моя Нѣмка, онъ съ ней въ Геттингенѣ познакомился, вотъ какъ я здѣсь съ Лусу...

Совсѣмъ отуманенный, закинувъ голову на спинку стула, протянувъ ноги и засунувъ руки въ карманы, онъ сталъ напѣвать какую-то пѣсню.

Волей-неволей, Русанову приходилось сидѣть до расплаты; кромѣ того, исповѣдь начинала интересоваться его.

— Онъ въ Германіи философіей занимался, ворчалъ Леонъ, хвативъ залпомъ рюмку и слов-

но оживъ на минуту, — что за каша это... философія съ революціей... брррр! хуже чѣмъ виски на портеръ... Онъ Инну погубилъ... У ней права были, она законная, послѣ меня родилась... Дай-ка мнѣ права тогда! договорилъ онъ, обративъ къ Русанову поблѣднѣвшее отъ питья лицо, съ бессмысленнымъ, животнымъ взглядомъ. Русановъ самъ чувствовалъ какую-то истому въ головѣ, точно ему буравили ее винтомъ...

— А имъ это не удастся, безсвязно лепетала Леонъ:—я ихъ замыслы выведу... на свѣжую воду... Онъ не смѣетъ со мной такъ обходиться.

Онъ ударилъ по стулу кулакомъ, такъ что посуда задребезжала.

— Что жъ онъ дѣлаетъ? вторилъ ему въ тонъ Русановъ, не зная о комъ идетъ рѣчь, но предугадывая что-то серіозное.

— Онъ меня подозрѣваетъ, что я русскій шпіонъ. А ты думалъ не русскій? Онъ меня поилъ—кормилъ, я ему служилъ... А своихъ рѣзать не дамъ... Я на него два раза доносилъ... Дошатался я съ ними... Вотъ каково двумъ господамъ служить.

«До чего можетъ упасть человѣкъ!» думалъ Русановъ, глядя на пьянаго; ужасъ, отвращеніе, жалость кипѣли въ немъ сложнымъ, подавляющимъ чувствомъ.

— Что мнѣ теперь? Все трень-трава! Издохну гдѣ-нибудь на улицѣ, какъ собака, кондрашка хватить. . А ему не спущу обиды... Я ему покажу, бурчалъ Леонъ, вдругъ съ минутною энергіей поднявшись на ноги и направляясь къ двери.

Русановъ бросилъ деньги на столъ и послѣдовалъ за нимъ.

«Оставить его, послѣднее съ него снять». думалъ онъ, едва поспѣвая за порывистыми шагами спутника. Ему самому стало неловко въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ улицъ ужасающаго своею громадностью города.

«Дорогу помнить,» улыбнулся Русановъ, подходя съ нимъ къ отелю.

Взобравшись на крыльцо, Леонъ отворилъ первую дверь въ бельэтажъ и сунулся въ нее, но не попавъ, толкнулся въ стѣну.

— Куда вы? схватилъ его за руку Русановъ.

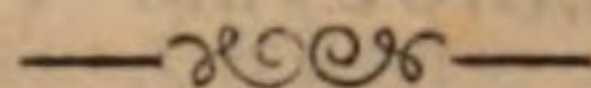
— Не трогай, здѣсь! крикнулъ Леонъ и вломился въ просторную переднюю. Русанову едва успѣла мелькнуть, въ отворенную дверь, комната, освѣщенная какъ день, полная народа и суевившихся слугъ, какъ двое изъ нихъ, подхвативъ Леона подъ руки, силились вытолкать его; тотъ сталъ упираться и забурчалъ неистовымъ голосомъ; Русановъ не зналъ что дѣлать и окончательно потерялся, видя, что гости толпятся на шумъ у двери, окидывая всю

сцену любопытными взглядами; они раздались на обѣ стороны и пропустили хозяина.

— Отведите его на верхъ, крикнулъ тотъ, кивнувъ бровями на Леона, и вдругъ запнулся, увидавъ Владиміра Ивановича.

— Русановъ !

— Бронскій!

V.

СТОЛКНОВЕНІЕ.

Трудно было узнать прежняго красавца Бронскаго, въ этомъ, все еще молодомъ, но страшно осунувшемся желчномъ лицѣ, окаймленномъ синевою небритой бороды.

— Еще разъ неожиданная встрѣча, нашелся онъ первый, съ принужденною улыбкой.

— Я не искалъ ея, отвѣтилъ Русановъ, оправясь, — я не зналъ.

— Вы ни чуть не помѣшали, здѣсь все свои, проговорилъ Бронскій, приглашая его войти въ залу. Между присутствующими на разныхъ языкахъ пробѣжало слово «Русскій.»

Не желая казаться смѣшнымъ, онъ сбросилъ пальто и послѣдовалъ за графомъ. Около двадцати джентльменовъ спорили въ кружкахъ, курили, читали газеты.

— Господа, сказалъ Бронскій по-французски, — рекомендую вамъ нашего грознаго усми-

рителя. Онъ можетъ сообщить намъ самыя свѣжія новости.

Неудержимая злоба закипѣла въ Русановѣ при этой выходкѣ; онъ понялъ, что отступать поздно и гордо выпрямился.

— Я готовъ удовлетворить любопытство этихъ господъ, отвѣтилъ онъ холодною ироніей, слегка наклонивъ голову, — если только новости придутся имъ по вкусу.

— *Tiens, le drôle joue serré*, шепнулъ сосѣду юркій господинъ съ козлиною бородкой.

— Я могу кое-что разказать, продолжалъ Русановъ, глядя въ упоръ на Бронскаго, — какъ одинъ, положимъ графъ, опозорилъ дѣвушку, которая имѣла наивность счесть его за честнаго человѣка...

— Милостивый государь, вспыхнулъ Бронскій, — я ни за кѣмъ не признаю права судить мои поступки.

— Еще бы, перебилъ Русановъ: — это обыкновенная уловка тѣхъ господъ, у которыхъ честь только на языкѣ...

— О! о! отозвался господинъ въ сѣромъ пиджакѣ.

— *Il y a là quelque chose comme l'odeur de la poudre*, обратился къ прочимъ Французъ.

Бронскій поблѣднѣлъ какъ бумага.

— Благодарите случай, что вы мой гость, бѣшено проговорилъ онъ, судорожно сжимая кулаки.

— Ничего, старые счета всегда можно свести, спокойно отвѣтилъ Русановъ, и подавъ Бронскому карточку гостиницы, гдѣ стоялъ, поклонился какъ-то всѣмъ заразъ.

У двери онъ еще разъ окинулъ взглядомъ пестрое сборище, выбирая, кого бы изъ нихъ позвать въ секунданты на случай дуэли, — ни одного доброжелательнаго взгляда... Онъ вспомнилъ о Леонѣ и вышелъ при общемъ говорѣ.

«Чортъ знаетъ что такое: — запутывается, да и запутывается», думалъ Русановъ, придя къ себѣ: «съ чѣмъ я теперь къ ней приѣду?!»

Какъ только раздраженіе поугомонилось, онъ сталъ обдумывать свое положеніе; время, незамѣтно идущее мимо cadaго челоѣка, оставляющее на немъ слѣдъ свой, и сглаживающее замѣнъ того кой-что изъ прежняго; это время, лижущее мысли, чувства, и стремленія, какъ море смываетъ крутые берега острова, оставляя на немъ иловатый осадокъ будущей плодородной почвы; это время сказалось и въ Русановѣ; въ немъ уже не было того пыла, съ которымъ онъ бросился на бывшаго товарища, встрѣтивъ его на спорномъ полѣ; но тѣмъ болѣе закалился характеръ. Онъ видѣлъ, что другаго исхода нѣтъ... Онъ готовъ былъ протянуть руку недавнему врагу, его встрѣтили бравадой, его поставили въ такое положеніе, что волей-неволей надо поддерживать свое достоинство; великодушіе хорошо тамъ, гдѣ его цѣнятъ; разъ его упо-

требили во зло, оно становится самоубійствомъ...

Поутру онъ отправилъ деньги и посылку въ *** съ коротенькимъ письмомъ, въ которомъ увѣдомлялъ Инну о своемъ пріѣздѣ и выражалъ надежду, что она не откажется повидаться съ нимъ, если позволятъ обстоятельства. Все же, прибавилъ онъ въ концѣ, старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Немного спустя къ нему постучались, и вошелъ господинъ весьма нахальнаго вида со вздернутымъ носикомъ на румяномъ лицѣ и какою-то дергающеюся улыбкой.

— Господишь Дзѣдзицкій, если не ошибаюсь, проговорилъ Русановъ, узнавъ въ немъ одного изъ своихъ товарищей по университету.

— Я къ вамъ въ качествѣ секунданта и привезъ вызовъ, началъ тотъ, усѣвшись. — Вы недостойно обошлись, господинъ Русановъ, съ человѣкомъ въ совершенномъ отчаяніи... Какъ старый товарищъ вашъ, я обязанъ употребить всѣ усилія къ примиренію, заговорилъ Дзѣдзицкій, до приторности смягчая голосъ.

— Что же вамъ угодно?

— Можетъ-быть, вы желаете извиниться?

— Да въ умѣ ли вы, господинъ Дзѣдзицкій? Угодно Бронскому драться, я готовъ; я не искалъ этого и не навязываюсь...

Рѣшено было сойтись на квартирѣ Бронскаго, въ избѣжаніе всякихъ неудобствъ, и

стрѣлять по данному знаку. Русановъ на все согласился.

— Васъ, однако, не очень измѣнило отчаяніе, вы пользуетесь цвѣтущимъ здоровьемъ, замѣтилъ Русановъ, видя, что гость не уходитъ.

— Это Бронскій хандритъ, а мнѣ что? Я космополитъ, отвѣтилъ тотъ съ самодовольною откровенностью.

— А! скажите! сроду не видывалъ! улыбнулся Русановъ.

— Вы, кажется, расположены шутить, обидѣлся космополитъ, взявъ шляпу:—мы еще потягаемся съ вами; вы не знаете, что это за сила... Это тотъ *никто* что циклопу глазъ выкололъ, — помните, въ *Одиссеи*?

— Какъ не помнить? Вмѣстѣ вѣдь переводили... Вамъ, кажется, тогда стипендію дали, и отказали въ ней бѣдному семинаристу, который изъ Симбирска пѣшкомъ пришелъ, говорилъ Русановъ, затворяя за нимъ дверь.

Зайдя къ Леону, онъ нашелъ его совершенно протрезвившимся, и безъ особеннаго труда уговорилъ присутствовать на дуэли. Пока тотъ собирался, Русановъ нетерпѣливо ходилъ изъ угла въ уголъ, а въ головѣ толпились одинъ за другимъ образы, одинъ другаго неопредѣленнѣй, туманнѣй: то представлялась ему Инна, только что получившая его письмо, то дядя ждетъ его въ Москвѣ, коротая осенніе вечера съ старымъ Псоичемъ. И сквозь нихъ неотступ-

но пробивается мысль: «Черезъ полчаса одного изъ насъ не будетъ.... Можетъ-быть, меня.... меня не будетъ?» Это какъ-то странно и дико отдавалось въ немъ.

— Пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.

У Бронскаго его встрѣтилъ Дзѣдзицкій, расхаживавшій по залѣ въ ожиданіи поединка. Пожелавъ ему добраго дня, Русановъ отошелъ къ овальному столику съ валявшеюся на немъ золотообрѣзною книгой, и машинально заглянулъ въ нее: Байронъ, развернутый на *Марино Фальеро*. Онъ перелистовалъ нѣсколько страницъ, все та же мысль: смерть! Умереть у самой цѣли? Образъ Инны чуть мелькалъ ужъ на второмъ планѣ. Портьера въ кабинетъ распахнулась, вышелъ Бронскій съ Дзѣдзицкимъ, и отдавъ поклонъ противнику, отперъ отцовскій ящикъ съ пистолетами. Пока секунданты заряжали ихъ, Русановъ присѣлъ на окно и глядѣлъ на вывѣску сосѣдняго магазина; прошло нѣсколько минутъ, онъ видѣлъ всѣ тѣ же пять буквъ, на которыя сразу упалъ его взглядъ, и все та же мысль, поглотившая всѣ остальные. Бронскій, стоя у камина, началъ что-то насвистывать.

Разомъ заколотили оба молотка по шомполамъ. Русанову предоставлено было выбрать пистолеть, и противники разошлись по угламъ залы.

— Мы готовы, нетерпѣливо сорвалъ Бронскій.

Дзѣдзицкій отошелъ съ Леономъ и подалъ условный знакъ. Въ ту же минуту Русановъ встрѣтилъ взглядъ и прицѣлъ графа, — бухнулъ глухой ударъ, и что-то съ трескомъ разлетѣлось по комнатѣ. Онъ видѣлъ сквозь дымное облако, какъ Бронскій, держась за високъ, выпустилъ ручку разорваннаго пистолета, зашатался и упалъ на руки подбѣжавшихъ секундантовъ. Ошеломленный Русановъ долго не могъ ничего понять.

— Осколокъ! Осколокъ! бормоталъ Дзѣдзицкій, помогая Леону перенести раненаго на диванъ: — онъ безъпамяти; проворнѣй за докторомъ.

— Вѣдь я спрашивалъ, дошла ли пуля? упрекалъ Леонъ: — а впрочемъ, можетъ-быть, оружіе старое.

Русановъ подошелъ и положилъ на столъ пистолетъ.

— Выстрѣлъ за вами, сказалъ ему Дзѣдзицкій.

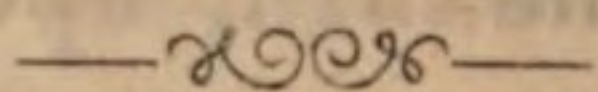
— На что онъ мнѣ? отвѣтилъ Русановъ: — еслибъ я могъ поправить зло, которое онъ надѣлалъ.

— Бронскій этого такъ не оставитъ, настаивалъ Дзѣдзицкій, — дайте ему только опрavitъся.

— Я всегда готовъ къ его услугамъ; адресъ мой въ***, если онъ только нуженъ будетъ вамъ или полиціи.

— Что до полиціи, то вы можете быть покойны, сказалъ тотъ:—слуги отпущены, все выдастся за собственную его неосторожность.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ Русановъ, и поклонясь отправился брать билетъ на пароходъ.

XI.

СТАРЫЕ ЗНАКОМЦЫ.

На краю***, въ сторонѣ отъ большого загороднаго дома, весь въ зелени деревьевъ, словно игрушка, глядитъ уютный коттеджъ, раздѣленный на двѣ половины. На одной изъ нихъ раздается голосъ хозяйки мистриссъ Джонсонъ, покрикивающей на старую Дженъ; стучать ножи, тарелки, стаканы.... Въ открытомъ окнѣ другой половины слабо звучитъ разбитое дребезжащее фортепіано; кто-то далеко не мастерски, но что называется *съ душою* наигрываетъ *la dernière pensée de Weber*.

Причудливо ритмованная вальсомъ, предсмертная жалоба превосходно передавалась заунывными *vibrato* стараго инструмента, точно и самъ онъ, забытый и брошенный, тихо ропталъ на свою долю. Безъ сомнѣнія, чувство покорной грусти, изливавшееся въ слабыхъ звукахъ, только скользило по дѣтской душѣ бѣлокурого малютки, катавшагося подъ окномъ на спален-

ной травѣ. Нечаянно поднявъ глаза, онъ такъ и дрогнулъ, увидавъ слово изъ земли выросшаго передъ нимъ Русанова въ дорожномъ платьѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ черезъ плечо.

Неподвижно вытянувшись къ окну, съ каждымъ звукомъ мѣняясь въ лицѣ, онъ все прислушивался къ звенящимъ флажолетамъ *lusingando* до тѣхъ поръ, пока тихое гудѣнье, постепенно расплываясь, незамѣтно сошло на нѣтъ.

Малютка пролепеталъ что-то, но Русановъ, не слушая, кинулся къ окну.

— Инна Николаевна! крикнулъ онъ, едва совладавъ съ голосомъ:—Инна Николаевна!

Въ отвѣтъ ему послышался слабый крикъ, и что-то темное мелькнуло по комнатѣ.

Онъ разомъ очутился въ сѣняхъ и брался за ручку первой попавшейся двери.

— Куда! куда! какъ варомъ обдалъ его знакомый, слишкомъ годъ неслыханный голосъ.

На порогѣ, распахнувъ дверь настежь, стояла Инна въ сѣренькомъ платьѣ, съ принужденно-насмѣшливою улыбкой, а глаза такъ и ласкали, такъ и манили. Русановъ взялъ у ней руку, и глядѣлъ въ лицо дуракъ-дуракомъ.

— На порогѣ не здороваются, оправилась она и привела его въ маленькую комнатку, повторяя взволнованно: — я не хотѣла вѣрить письму.... Какъ же такъ?... Зачѣмъ вы здѣсь?...

— Въ Лондонъ. По дѣламъ.... запинался Ру-

сановъ, и оба покраснѣли, прочитавъ на глазахъ обоюдную ложь вопроса и отвѣта... Они стояли въ замѣшательствѣ у столика, Инна потупившись, Русановъ глядя на нее.

— Очень рада видѣть васъ, проговорила она такъ сдержанно, что Русанова покорибило. — Ну, садитесь, гость будете, разсмѣялась она вдругъ, откидываясь на диванъ: — давно ли пріѣхали?

— Сейчасъ только, отвѣтилъ онъ, усѣвшись.

— Что? И не скажетъ? Все такой же тихоня! захлопотала она, и ужъ тащила на столъ кофейникъ, зажгла голубое пламя въ спиртовой комфоркѣ и засновала по комнатѣ съ чашками и посудой. Русанова это не то чтобы шокировало, а какъ-то непріятно было ему видѣть ее такою, именно въ первое время свиданія; онъ не того совсѣмъ ожидалъ.

— А это помните? говорила она, грѣя надъ горячимъ паромъ булку: — нужда научить калачи ѣсть.

— Но что жъ вы себѣ не наливаете? спросилъ онъ, не зная что сказать.

— Докторъ запретилъ, говорить: сердце и безъ того шалить... Ну да ужъ нынче куда не шло!

— Нѣтъ ужъ въ такомъ случаѣ позвольте не позволить, остановилъ онъ ея руку; она загоразживала чашку, смѣясь и наклоняясь къ нему. Русановъ только теперь взглянулъ въ мато-

вый цвѣтъ ея лица, прозрачно восковой, какъ лежалыя церковныя свѣчи; глаза будто усилили блескъ; щеки то обдавались легкимъ налетомъ румянца, то блѣднѣли еще внезапно; нѣжныя жилки просвѣчивали на вискахъ, въ кистяхъ и тонкихъ пальцахъ аристократической бѣлизны.... Русановымъ овладѣло что-то щемящее, тоскливое. Онъ началъ говорить безъ умолку, разказывалъ ей про Горобцовъ, про сосѣдей, про свою походную жизнь; она положила локти на столъ, оперлась подбородкомъ на руку, и установилась въ него мягкимъ взглядомъ.

— Не скучно вамъ по Украинѣ? спросилъ онъ вдругъ.

— Ну, что напоминать о потерянномъ раѣ, грустно улыбнулась она.

— Какъ же время проводите? освѣдомился онъ, когда они кончили полдникъ.

— А по цѣлымъ днямъ гуляю.... Хотите пройтись, сказала она, взявъ накидку; онъ подалъ ей руку; она оперлась на нее, слегка вспыхнувъ и оправивъ рукава; словно чего-то робѣя, спустились они съ крыльца. Они шли мимо рѣшетки парка, живописно распланированного по хольмистой мѣстности; влѣво мелкнула темная аллея, обсаженная высокимъ частоколомъ хвойныхъ деревьевъ, все ниже и ниже, почти у самой земли въ дальней перспективѣ; тамъ и сямъ стелется плавный извивъ широкой песчаной дорожки, а сбоку, словно прилизан-

ная къ ней, пошла отлогимъ спускомъ лужайка съ тонкоствольнымъ деревцомъ посрединѣ, и такъ до сплошной купы вѣковыхъ липъ; дальше, зеркало пруда, съ опрокинутыми силуэтами вѣтвей, глубоко вдавленное въ крутые берега газона; за нимъ опять валъ съ тѣнистымъ боскетомъ пожелтѣвшей листвы; по низу, въ чашѣ стволомъ, почти у самыхъ корней сквозить красное солнце и блѣдно-золотистое небо съ розовымъ отстоемъ и яхонтовыми полосками облаковъ, какъ ирризація старыхъ стеколъ, уходитъ въ прозрачную даль изъ темныхъ вырѣзокъ зелени.... А тамъ опять разбѣгаются дорожки, словно маня вглубь и обѣщая неистощимую роскошь новыхъ видовъ. Ни разу еще природа не являлась такою красавицей Русанову, и никогда еще не бывалъ онъ такъ холоденъ къ ней. Странное настроеніе вкрадывалось въ него; онъ какъ-то млѣлъ отъ прикосновенія любимой женщины, чувствуя съ какою довѣрчивостью она опиралась на его руку; но лишь только взглядывалъ украдкой на худенькое, блѣдное личико, и жутко ему становилось... «Нѣтъ это что-то не то!» шевельнулось въ немъ.

— Досада какая, сказала Инна: — видишь, а войти нельзя; кромѣ хозяина, гостей и садовника никому недоступно....

— Помните, не вытерпѣлъ онъ, точно жалуюсь, — вотъ такимъ же вечеромъ вы какъ-то....

— Ничего не помню, живо перебила она, — нечего и помнить.... То не я была; то вотъ что....

Она нагнулась къ землѣ, такъ что длинныя пряди волосъ охватили запылавшее лицо, сорвала-одуванчикъ и дунула въ бѣлую шапку; пухъ полетѣлъ и разсѣялся въ тихомъ вечернемъ вѣтеркѣ.

— А если я другое напомнимъ? началъ Русановъ вполголоса и остановился; ему почти не хотѣлось договаривать.

— Какъ же! вскрикнула она и, выдернувъ руку, бросилась отъ него вдаль по дорогѣ на поляну, но не пробѣжавъ и половины, остановилась, вся запыхавшись, взялась за бокъ и какъ подкошенная прилегла на верескъ. Въ этомъ просторѣ волнистыхъ бугровъ, усѣянныхъ купами деревьевъ и живыхъ изгородей, охваченная густѣвшимъ сумракомъ, она показала Русанову такую маленькою, слабою, беззащитною.

«Нѣтъ, не то,» бродила неотвязная мысль.

— На что такъ уставать? упрекнулъ онъ уже съ братскимъ участиемъ, присѣвъ у ногъ ея: — надо беречь здоровье, его не вернешь:

— На что его беречь-то? разсмѣялась было она, да вдругъ оборвалась и взялась за грудь. — Вотъ опять сердце, почти простонала она.

— Укройте, пугливо подалъ онъ ей свое

пальто; мысль о возможной потерѣ шевельнулась въ немъ чѣмъ-то ползущимъ, ядовитымъ.

— Ничего, прошло, улыбалась она, откидывая толстый драпъ.

— Извольте слушаться, настойчиво проговорилъ онъ, набросивъ его на плечи Инны; — сыро, домой пора, прибавилъ онъ такъ безцвѣтно, что и она замѣтила.

— Пора и вамъ, а то вы что-то раскомандовались.

— А можетъ-быть мнѣ и не пора, схитрилъ онъ, когда они дошли до дому.

— Вотъ это мило! до завтра! развеселилась она, и бросивъ ему на голову пальто, повернула въ дверь.

«Что жъ это?» думалъ Русановъ, освобождаясь отъ импровизированнаго покрывала: «гдѣ тѣ восторги что я сулилъ себѣ? Я словно и не радъ.... Чортъ знаетъ что въ голову лѣзетъ,» разозлился онъ самъ на себя, выходя изъ воротъ....

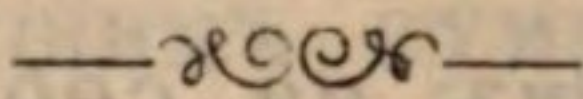
Вернувшись къ себѣ, Инна зажгла ночную лампочку, посидѣла немного въ полузабытьи, раздѣлась и, какъ утомленная, опустилась въ подушки.

«Пристань!» улыбнулась она... но вдругъ словно ее кольнула какая-то мысль; она поднялась на локоть, присѣла на край постели... лицо приняло строгое выраженіе, потомъ грустное, почти отчаянное... Она сунула ноги въ

туфли, накинула бѣлую блузу и отворила окно.... Все болѣе поддаваясь какому-то тяжело-му волненію, начала она ходить по комнатѣ неслыханными шагами, скрестивъ руки, опустивъ глаза на широкія складки платья, облитыя голубоватымъ свѣтомъ мѣсяца.... Попробовала вздохнуть,—грудь поднялась тяжело, какъ порванный мѣхъ, и опустилась будто придавленная плитой.

Не владѣя собой, бросилась она къ письменному столу, схватило перо, бумагу, и торопливо написала нѣсколько строкъ.

«Леонъ, какъ только получишь письмо, приѣзжай...»

ХІІ.

КАРУСЕЛЬ.

Наступило свѣтлое, осеннее утро; ни облачка въ чистой синевѣ; солнце ослѣпительно играетъ въ осеннихъ краскахъ сада, золотя яркожелтую листву липъ, просвѣчивая въ совершенно-красномъ кленѣ.... Въ лицо вѣетъ холодкомъ еще не растворившагося утренника.

Русановъ подходилъ къ знакомому коттеджу неторопливою походкой, точно по долгу; вчерашній вечеръ его напугалъ. Вернувшись къ себѣ, онъ крѣпко задумался насчетъ будущихъ отношеній къ Иннѣ; онъ старался дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ чувствѣ, подвергая его безпощадному анализу и заснулъ съ мыслью, что оно далеко не прежнее.

«Полно, такъ ли она дорога мнѣ, что ужъ и жить безъ нея нельзя?»

«Какъ бы то ни было, рѣшилъ онъ, собираясь къ ней, дѣло зашло слишкомъ далеко.... И мнѣ оставить ее здѣсь одну? Ни за что!»

Кто знаетъ, можетъ-быть прежнюю страсть замѣнить спокойное, дружеское чувство? .. Говорять, это и нужно въ семейной жизни.... будь что будетъ!...

Прежняго мальчика, глядѣвшаго въ какую-то розовую даль, готоваго загнать лошадь изъ-за лишней улыбки, какъ не бывало: какъ-то незамѣтно себѣ, сталъ онъ человѣкомъ много видѣвшимъ, многопотертымъ въ общей толкѣ и теперь готовившимся отдохнуть немного на одной изъ жизненныхъ станцій, чтобы снова, уже съ подругой, выйти на новыя испытанія.

Не успѣлъ онъ переступить порогъ, какъ всѣ его разсужденія разлетѣлись дождевикомъ. Инна, его прежняя Инна, какъ нарочно принарядившись въ давнишнее черное платье, лежала на диванѣ въ усталой позѣ, протянувъ ноги на шитую подушку, и запустивъ руку въ черную волну волосъ; лицо немного поблекло, вѣки слегка покраснѣли, но глаза глядѣли гордо, свѣтясь какою-то сдержанною рѣшимостью. Увидавъ Русанова, она немного привстала,правила платье, и полулежа протянула ему руку.

— Вы не спали ночь? встревожился онъ, подвинувъ къ ней стулъ.

— Напротивъ, очень покойно.

— Отчего жь глаза-то красны? допрашивалъ онъ, немного смущенный промахомъ.

— Должно-быть плотно поужинала, никакъ

не могу отвыкнуть, а тутъ, какъ нарочно, такой сочный ростбифъ, объяснила она какъ нельзя проще.

«Это ужъ и того хуже», подумалъ Русановъ, окончательно озадаченный. Чтобъ не попасть въ неловкое положеніе, онъ вынулъ сигару, закурилъ и положилъ себѣ быть на сторожѣ.

— Ахъ, да! вспомнила она вдругъ:—вы такъ и не сказали мнѣ зачѣмъ пріѣхали въ Англію?

— Жениться, отвѣтилъ Русановъ, чувствуя потребность бровады.

— А! поздравляю, насмѣшливо проговорила она:—только вотъ вамъ совѣтъ стараго друга: не женитесь на умной женщинѣ.

— Это почему? отозвался онъ, точно его холодной водой окатили.

— Да такъ, не управится вамъ.... Всѣ онѣ любятъ помучить васъ, покапризничать, на своемъ поставить... Право, возьмите-ка простушку.

— Покорно благодарю за совѣтъ, перебилъ Русановъ ужъ съ досадой.

— Право, ужъ на что глупѣй меня, а присмотритесь-ка.... Жаль только вотъ, что я никогда не буду за мужемъ, а то-бы я вамъ показала какъ ихъ муштруютъ....—И она принялась развивать ему эту тему, невольно вспомнивъ объ отцѣ.

— Что жъ тутъ хорошаго? остановилъ Русановъ.

— Тутъ-то? переспросила она съ какимъ-то

злорадствомъ: — помилуйте, да это первѣйшее удовольствіе.

«Что это такое?» заныло въ Русановѣ.

Онъ ужъ начиналъ бояться этой силы, которую такъ самонадѣянно хотѣлъ спасти.

— Боже мой, Боже мой, неужели жъ вы никогда не видали людей истинно-любящихъ? заговорилъ онъ тоскливымъ порывомъ: — бѣдность, униженіе, заботы на каждомъ шагу, а чувство только крѣпнетъ....

— Ахъ, Владиміръ, вырвалось у ней почти со слезами, — да многимъ ли дается такое счастье?

— Однакожъ есть, вострепенулся онъ, — бываетъ это счастье?

— Да.... въ сирени, спохватилась она.

Онъ бросилъ сигару и отошелъ къ окну, не замѣчая, какъ она улыбалась, проворно махнувъ платкомъ по глазамъ.

— Хорошо, что моя будущая жена не похожа на васъ, проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Конечно, отъ такой сохрани васъ.... и помилуй, расхохоталась она: — гдѣ жъ ваше сокровище?

— Я за ней пріѣхалъ, грубо отвѣтилъ онъ.

— Такъ это вы за невѣстой въ такую даль перли? Нѣжное же у васъ сердце!

— Къ несчастію, сказалъ Русановъ: — то ли дѣло ничѣмъ не волноваться, ничего не желать, похоронить, заглушить всякое чувство, думать объ одной смерти....

— А что жь, это очень хорошо, только за-
чѣмъ же смерть-то? Смерти нѣтъ....

— Что вы хотите сказать?

— Да то же, отвѣтила она какимъ-то стран-
нымъ голосомъ, и поглядѣвъ на него еще болѣе
страннымъ взглядомъ, прибавила: нѣту смерти!
А что не нравится? Подумайте-ка, вѣчное не-
удовлетвореніе, вѣчное недовольство, вѣчное
желаніе чего-то неисполнимаго... А я такъ
рада, что вотъ и вы неизбежите этой участи....

— Рады? переспросилъ Русановъ.

— Еще бы! цѣлая жизнь ошибка! Не доста-
лось мнѣ, такъ хоть посмотрѣть на другихъ:
какъ, моль, они это переносятъ... Сердце тѣ-
шится.

Онъ схватилъ шляпу.

— Куда же вы? Мы еще позавтракаемъ, спо-
койно предложила она, между тѣмъ какъ лицо
стало почти одного цвѣта съ воротничкомъ.—
Вотъ я сейчасъ распоряжусь.... Виновата, у
меня голова что-то закружилась....

А черезъ полчаса они сидѣли другъ противъ
друга, глядя въ тарелки, изрѣдка прося пере-
дать то или другое блюдо и насильно застав-
ля себя ѣсть.

Русановъ очень хорошо видѣлъ, что она за-
таила что-то въ себѣ, но что именно, это было
неразрѣшимымъ вопросомъ. Онъ чувствовалъ,
это не послѣднее слово и рѣшился отложить
объясненіе до другаго раза. По старой при-

вычкѣ, онъ думалъ, что на Инну нашелъ одинъ изъ тѣхъ необъяснимыхъ капризовъ, которые такъ озадачивали его въ доброе старое время, и, вышелъ отъ нея въ тревожной думѣ. Онъ шелъ, не разбирая дороги, все прямо, какъ птицы летаютъ, до самой гостиницы, обращая на себя вниманіе прохожихъ, и чуть не попавъ подъ колеса.

«Во что бы то ни стало!» бродило у него въ головѣ.

А Инна заперлась въ своей комнаткѣ на цѣлый день.

Къ ночи пріѣхалъ Леонъ; она вышла къ нему, едва держась на ногахъ; о прошломъ не было слова помянуто.

— Ну, что жь тутъ у тебя подѣялось? говорилъ онъ, усаживаясь рядкомъ на диванъ.

Инна разказала ему.

— На что жь ты рѣшилась? спросилъ онъ.

— Ты спроси, на что я не рѣшалась; кажется все ужь сдѣлала, чтобъ опротивѣть ему, и что же? Только масла въ огонь! А прямо отказать отъ него... Не могу... Силы нѣтъ...

— Зачѣмъ же отказываться? Что это Иночка, ты совсѣмъ не въ своемъ умѣ, не всѣ дома... Ласково журилъ онъ.

— Леня, да подумай ты, что же я ему принесу? Чѣмъ я отплачу ему? Передъ нимъ цѣлая жизнь впереди; неужели же изъ него ничего не выйдетъ? А я надломленная, больная... вѣдь я

не шутя больна, теперь по крайней мѣрѣ... Я свое отжила...

— То-есть вовсе не жила, поправиль онъ:— а ты ужасовъ-то себѣ не рисуй...

— Нѣтъ, Леня, нѣтъ! И не говори... Не должна я... нельзя его связывать съ такой судьбой, какъ моя... Да и мнѣ едва ли будетъ лучше.... Едва ли я могу еще быть счастливой... Послѣ того, что было... Голосъ у ней оборвался; Леонъ съ испугомъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

— А какъ онъ пріѣхалъ-то, до чего я забылась, точно меня живой водой спрыснули.... Такъ вотъ даромъ, думала, схвачу счастье.... Ну, жизнь! Плыветъ въ руки, бѣжишь ее словно чумы; схватишься... поздно...

Она прижалась къ нему, и слезы градомъ покатились ему на шею...

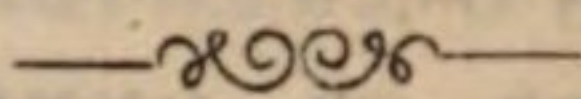
— Иночка, да ты можетъ-быть напрасно себя мучишь? говорилъ Леонъ: — вѣдь эти порывы бывали съ тобой; можетъ быть ничего этого нѣтъ.. И какъ ты могла такъ скоро полюбить его?

— Чего полюбить? прошептала Инна: — я всегда его любила... Я насилвала себя... Пойми ты, чего мнѣ это стоило... Нѣтъ, нѣтъ.... Нельзя ему портить будущности... Пусть я одна...

И вдругъ, откинувшись на спинку дивана, почти задыхаясь, она поднесла къ губамъ пла-

токъ... Красныя пятна проступили въ тонкомъ батистѣ. Леонъ, растерявшись, бросался по комнатѣ, отыскивая чего-то.

— Не надо, не надо, съ усиліемъ проговорила она, махая рукой:— пройдетъ, а не пройдетъ и того лучше... Хороша невеста?

XIII.

РАЗВЯЗКА.

Русановъ, какъ пришелъ къ себѣ, тотчасъ потребовалъ бумаги, чернилъ и перо. Еще неугомонилось въ немъ разнузданное чувство, еще не остыла взбудораженная кровь, онъ ужъ писалъ Иннѣ письмо, присѣвъ у открытаго окна. Нѣсколько строкъ почти сами собою, выросли подъ перомъ; потомъ онъ сталъ перемарывать, сжглаживать шероховатости... бумага покрывалась золотистымъ налетомъ заходившаго солнца, мало-по-малу его смѣнилъ розовый отсвѣтъ, голубоватая тѣнь сумерекъ, все темнѣй становилось въ комнатѣ, буквы почти слились, когда онъ кончилъ письмо... Письмо начиналось такъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ мы случайно встрѣтились на подмосткахъ, мы не переставали предсказывать другъ другу роль; взаимно электризуясь репликами, мы до такой степени слились въ игрѣ, что мнѣ трудно представить разлуку

между нами до конца спектакля. Неужели вы сомнѣваетесь въ моемъ чувствѣ.»

На этой строчкѣ остановился Русановъ, перечитывая письмо. Онъ колебался, колебался, и медленно разорвалъ письмо пополамъ... еще и еще... Мелкіе клочья полетѣли въ окно, и трепетными извивами разсѣялись по мостовой .. Онъ взялъ шляпу и пошелъ по улицамъ разгонять тяжелыя думы: бродя безъ цѣли, онъ незамѣтно очутился у гавани; дневная возня стихла; сумракъ охватилъ даль; съ моря дулъ вѣтерокъ, хлестко нагоняя волны на *beach*; вдали чернѣли остовы кораблей... На ровной, пустынной, темной поверхности, гдѣ-то далеко, далеко свѣтился маякъ...

«Ну, что жь! думалось ему: — пусть и моя жизнь будетъ такъ же безцвѣтна и пустынна... Пусть ни разу не побалуется, ни пригрѣется... Не то и время; впору только бороться, отставивъ себя... Одна голова не роѣется....»

На другой день, убирая комнату, Инна, вся вспыхнувъ, отскочила отъ окна и торопливо шепнувъ Леону: — Идетъ! Займи его на минутку, — скользнула въ спальню.

Леонъ пожалъ руку немного удивленному Русанову, и пригласилъ его сѣсть.

— Она сейчасъ выйдетъ, предупредилъ онъ вопросительный взглядъ гостя; — будьте осторожнѣй, она нездорова; ей всякое волненіе вредно... Вчера ей было очень плохо...

— Я пришелъ проститься, отвѣтилъ Русановъ.

Леонъ хотѣлъ еще что-то сказать, но тутъ вошла Инна, и, подавъ Русанову руку съ безпечною улыбкой, подсѣла къ нимъ.

— Онъ собирается, несмѣло сообщилъ ей Леонъ; — онъ уѣзжаетъ, прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Такъ скоро? сказала Инна тономъ офиціальнаго сожалѣнія: — я думаю, вы ничего не успѣли посмотрѣть въ Англіи?

— Не удалось, отвѣтилъ Русановъ, закусивъ губу; — я думалъ остаться надолго, но что дѣлать...

— Ну, добрый путь; вернетесь домой, поклонитесь нашимъ... Аня пишетъ, что онъ будетъ каждый годъ высылать мнѣ такую же сумму; передайте ему, что это лишнее... Если нужно будетъ, я напишу...

Каждое слово, какъ ударъ молотка отдавалось Русанову; забывъ всякое приличіе, онъ пристально глядѣлъ ей въ лицо, стараясь уловить хоть малѣйшее измѣненіе. Она выдержала взглядъ, потомъ плавно перевела глаза на часы,правила вязанную салфетку на столъ, и затѣмъ ужъ только мелькомъ взглядывала на Русанова.

— Больше ничего не имѣете сказать мнѣ? сухо спросилъ онъ.

— Кажется нѣтъ... Да, если вздумаете пи-

сать, не забудьте Аниной теплички; мнѣ очень интересно знать, что у него тамъ посажено, хорошо ли принимается...

— И только? произнесъ онъ съ удареніемъ.

— Да что жъ вы на мерсі напрашиваетесь? улыбнулась она черезъ силу:—ну мерсі, что не забыли, что такъ любезно взяли на себя братнино порученіе...

Русановъ придрался къ разговору о Малороссіи, и надѣясь выиграть время, а вмѣстѣ кольнуть и пробудить ее, сталъ разказывать про Бобырца, какъ онъ просваталъ дочь за очень порядочнаго человѣка, какъ сосѣди подтрунили надъ странною фамиліей жениха и обиженный отецъ отказалъ ему...

Инна не дослушала, вышла въ спальню, стала передъ зеркаломъ, и начала разчесывать волосы. Потомъ надѣла шляпу, старательно завязала ленты, закуталась накидкой, повернулась раза два передъ зеркаломъ... Русановъ не вѣрилъ глазамъ.

— Мы сегодня собираемся на представленіе типовъ. Пріѣхала миссъ Терри изъ Лондона... Не хотите ли вы вмѣстѣ? Вышла Инна. — Ахъ, вѣдь вамъ укладываться надо! будто спохватилась она.

Смутное чувство подсказывало Русанову, что ждать больше нечего.

— Да, пора, проговорилъ онъ, вставая; на-

дѣлъ пальто, застегнулся до верху, взялъ шляпу и началъ медленно натягивать перчатки...

Инна стояла возлѣ Леона; ни одной складки въ лицѣ, ни одного движенія, которое сколько нибудь измѣнило бы ей...

— Ну, прощайте, Инна Николаевна, сказалъ Русановъ: — дай вамъ Богъ всего лучшаго...

Она тихо подошла къ нему, положила обѣ руки въ его, и все лицо ея преобразилось, точно она забыла обѣ себѣ на эту минуту; губы сложились доброй улыбкой, глаза глядѣли съ материнской нѣжностью...

— Это мое всегдашнее желаніе вамъ, отвѣтила она: — будьте счастливы...

Прощайте, сурово перебилъ Леонъ, стиснувъ ему руку: — Не забудьте, что я вамъ говорилъ, обнялъ онъ Русанова.

Тому словно туманъ застлалъ глаза; онъ что-то пробормоталъ о томъ, какъ тяжелы всегда такія минуты.

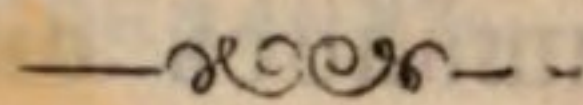
— Да, да, слышалось ему, но кто говорилъ, онъ ужъ не могъ разобрать, и пошелъ. У воротъ онъ обернулся, взглянулъ на окно: никто не показывался...

«Ну, нѣтъ—значить нѣтъ,» проговорилъ онъ въ отчаяніи.

Ему все мерещилось, что она вернетъ его, или сама выбѣжитъ ..

На другой день утромъ паровое судно вышло изъ гавани ^{***}, и, какъ обыденное прояв-

леніе приморской жизни, почти никѣмъ не было замѣчено. Въ числѣ пассажировъ, облѣпившихъ бортъ, стоялъ Русановъ съ подзорною трубой, направленною на берегъ. Поодаль отъ немногихъ зрителей, бросилась ему въ глаза группа женщины въ сѣренькомъ платьѣ, опиравшейся на загорѣлаго бородача; онъ успѣлъ разглядѣть выющіеся по вѣтру черные локоны, но пароходъ шелъ такъ шибко, что фигура тотчасъ замутилась въ стеклѣ; онъ сталъ усиливать увеличеніе, второпяхъ не находя фокуса, наконецъ кое-какъ приноровился: на мгновенье выступило блѣдное лицо съ такою болѣзненною улыбкой, съ такимъ страдальческимъ взглядомъ... Судорожно звякнулъ онъ трубой въ бортъ и разбилъ ее въ дребезги...

XIV.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ.

Есть что-то поразительно грустное въ просторныхъ, запущенныхъ покояхъ нашихъ старыхъ, барскихъ домовъ. Штучный полъ покоробило; углы и линіи карнизовъ замѣтно повело; старинная мебель неуклюже замерла на обычномъ мѣстѣ; плотныя бархатныя драпри гостиной едва даютъ свѣтъ на вышедшую изъ моды бронзу и фарфоръ; массивныя картины въ широкихъ рамахъ, десятки лѣтъ не выдавашія губки, пожухли, потемнѣли... Тишина изрѣдка нарушается глухимъ боемъ стѣнныхъ часовъ, въ длинномъ футлярѣ краснаго дерева; а какъ затопятъ печи, да начнетъ трескотня по угламъ, что-то именно выживаетъ свѣжаго человека. Таковъ былъ домъ, оставленный Русановымъ на попеченіе стараго дядьки. Самъ Псоичъ, высокій, худощавый старикъ, съ окладистыми сѣдыми бакенами, вѣчно въ долгополомъ неизносномъ синемъ сюртукѣ и бѣломъ

галстукъ, какъ будто служилъ необходимымъ дополненіемъ къ дому.

Личность эта не принимала видимаго участія въ ходѣ описываемыхъ происшествій; но если Русановъ въ годы первой молодости имѣлъ возможность не увязнуть въ тинѣ жизни, такъ этимъ онъ обязанъ былъ почти исключительно этому старику. Вывезенный дѣдомъ Русанова для обученія портняжному ремеслу, онъ вмѣстѣ съ нимъ оставилъ Москву въ 1812 году, вернулся камердинеромъ студента Русанова, былъ отпущенъ имъ на волю по окончаніи курса, сталъ дядькой его сына, въ теченіе своей жизни нѣсколько разъ тонулъ, одинъ разъ буквально горѣлъ и какъ-то мимоходомъ успѣлъ жениться и овдовѣть. Ему-то сначала отчасти, а потомъ и вполнѣ одолжены были Русановы сохраненіемъ громаднаго дома въ то время, какъ имѣнія ихъ одно за другимъ продавались съ аукціоннаго торга.

Надъ Москвой крѣпчалъ первый морозъ; солнце искрилось послѣдними блестками въ разрисованныхъ инеемъ стеклахъ; они слегка дрожали отъ вечерняго благовѣста. Псоичъ допивалъ шестую чашку чая, когда у подъѣзда звучно проскрипѣли сани. Старикъ выглянулъ изъ-за самовара, поднялъ руку щиткомъ надъ глазами, взглянулъ въ спрыгнувшаго съ саней мужчину, въ дубленкѣ, съ дорожнымъ мѣшкомъ

черезъ плечо, всплеснулъ руками и бросился на крыльцо.

— Батюшка, Владиміръ Ивановичъ! лепеталъ онъ, обнимаясь съ пріѣзжимъ.

— Здравствуй, старикъ, здравствуй! говорилъ растроганный Русановъ:—ну, води меня... пойдѣмъ, пойдѣмъ.

— И не чаялъ, не чаялъ дождаться, говорилъ тотъ, слѣдуя за молодымъ бариномъ:—что, батюшка, смотрите на покой? Все въ порядкѣ, какъ было... вонъ и фуражка ваша, синенькая-то... какъ извоили повѣсить на канделябру, такъ и висить... Выравнились-таки, свѣтикъ, грѣхъ сказать, подросточкомъ отпустилъ-то васъ.

Мирное чувство овладѣло Русановымъ по мѣрѣ того, какъ старикъ изливалъ свою радость. Онъ вошелъ въ кабинетъ и подсѣлъ къ самовару.

— Намаялся, проговорилъ онъ, откладывая на диванъ свой мѣшокъ:— а дяденька еще не пріѣзжалъ?

— Дяденька-то? дрогнулъ старикъ:—пріѣхать-то... кажется, пріѣхалъ...

— Гдѣ жь онъ?

— Дяденька-то?... да вотъ онъ... тутъ... того... —Старикъ ударилъ руками объ полы сюртука, опустился на стулъ, щеки у него задергались, и слезы заблестѣли по морщинамъ.

— Что ты? что съ тобой? вскочилъ встре-

воженный Русановъ: — боленъ, онъ что ли? умеръ? да не бойся... очень-то ужъ ты меня ничѣмъ не удивишь.

Старикъ молча показывалъ рукой на завѣшенное простыней зеркало.

— Мнѣ и не въ домекъ, сказалъ Русановъ опавшимъ голосомъ: — отвыкъ я отъ роднаго-то, Псоичъ, гдѣ-гдѣ не таскался... Давно ли же?

— Да вотъ, какъ пріѣхалъ, такъ и захворалъ... съ дороги что ли, и то сказать старыя кости... А тутъ сталъ спѣшить деньгами въ опекунскій, за двадцать тысячъ Нечуй-то пошелъ... еще пуще разнемогся... въ бреду все васъ поминалъ: «Володя, крикнетъ жалостно такъ, Володя!» Все на свѣтъ, на людей жаловался, что все это хуже становится... Вонъ тамъ на Ваганьковѣ рядомъ съ папенькой и... Голосъ Псоича оборвался.

— Ну, полно, успокойся, проговорилъ Русановъ: — поди-ка отдохни, да и я прилягу съ дороги-то.

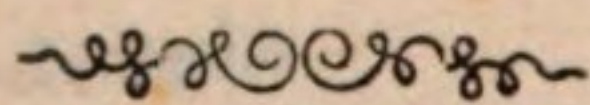
— Прилягте, родной, а мнѣ что за отдыхъ, на радостяхъ! Я къ Мальвинѣ Францовнѣ побѣгу, то-то обрадуется... Такъ-то оно, и горе, и радость, и все-то такъ, прибавилъ онъ уходя.

Русановъ отсылалъ его, чтобъ остаться одному; что-то похожее на упрекъ зашевелилось въ немъ; онъ выманилъ дядю изъ роднаго гнѣзда; онъ былъ, можетъ-быть, невинною причиной его смерти; но это недолго длилось.

«Такъ ужъ все одно къ одному, думалъ онъ, осматривая свое прежнее пепелище; бѣдный дядя, добрый старикъ, хорошо онъ сдѣлалъ, что умеръ; съ его простотой и довѣрчивостью жить въ такое время!»

Старый слуга долго еще стоялъ за дверью, вглядываясь въ грустно-заботливое лицо своего питомца, покачалъ сѣдою головой, и пошелъ въ раздумьи насчетъ такой перемѣны въ прежнемъ веселомъ Володиныхъ... А Русановъ подошелъ къ окну и глядѣлъ на новоотстроенные дома, на поновленные старые. На одномъ изъ нихъ пестрѣла только что намалеванная вывѣска; по улицѣ протянулась фура переноснаго газа; прошелъ какой-то чиновникъ въ неизвѣстной ему формѣ; пьяный фабричный лежалъ на тротуарѣ въ патріархальной простотѣ и невинности...

И это конецъ? Нѣтъ... Что же будетъ дальше? Кто знаетъ? Мы по крайней мѣрѣ менѣе всѣхъ....

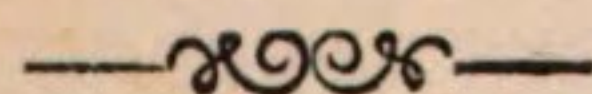
О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	СТРАН.
I. Въ морѣ.	7
II. Революціонная сорока	15
III. Самый новый складъ ума	26
IV. I Ugonotti	39
V. Дома.	49
VI. Травленный волкъ	60
VII. Пропаганда	71
VIII. Земля обѣтованная	82
IX. Караимъ	92
X. Завялый букетъ.	102
XI. Что-то тамъ?	115
XII. Пожаръ	124
XIII. Стычка.	134

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. Проблескъ сознанія.	145
II. Спасибо	151
III. Задѣли за живое	160
IV. Прикладная наука	167
V. Une Réfugiée.	174
VI. Добрыя души	184
VII. Проводы	192
VIII. Немезида.	199
IX. Неизбѣжное слѣдствіе.	204
X. Столкновеніе	211
XI. Старые знакомцы	219
XII. Карусель	227
XIII. Развязка	235
XIV. Домашній очагъ	241

ОТ АВАНТИ

ПЕРВЫЙ РАСТ

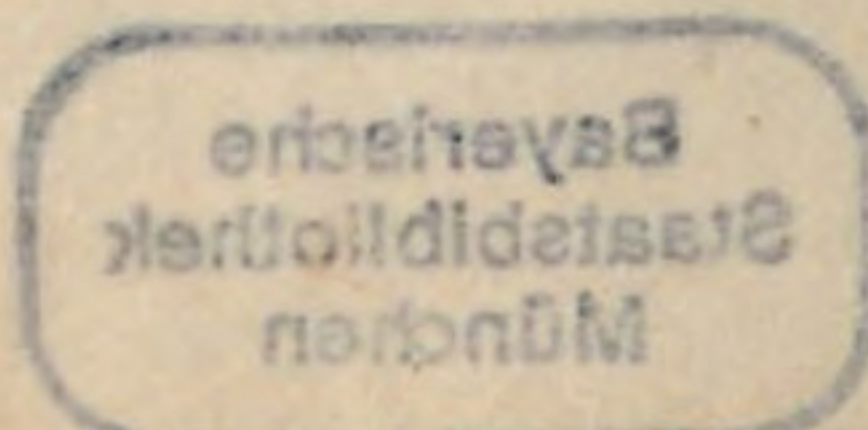
ГЛАВ

1	1. Введение
15	II. Периодическая система
26	III. Самый первый шаг
33	IV. I. Глава
49	V. Глава
66	VI. Третья глава
71	VII. Промежуток
82	VIII. Глава обобщения
92	IX. Глава
102	X. Глава о времени
112	XI. Про-то-тип
124	XII. Пожар
134	XIII. Глава

ВЕРВТОЙ РАСТ

148	I. Проблемы сознания
151	II. Глава
160	III. Глава о жизни
167	IV. Прямая линия
174	V. Глава
184	VI. Глава о времени
192	VII. Промежуток
199	VIII. Глава
204	IX. Глава о времени
211	X. Глава
219	XI. Глава о времени
227	XII. Глава
232	XIII. Глава
241	XIV. Глава о времени

— 202 —

Kljušnikov, Viktor Petrovič,

Marevo Roman v 4 částjach

Bd.: 4

Moskva 1865

P.o.russ. 77 g-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610129-1